Z

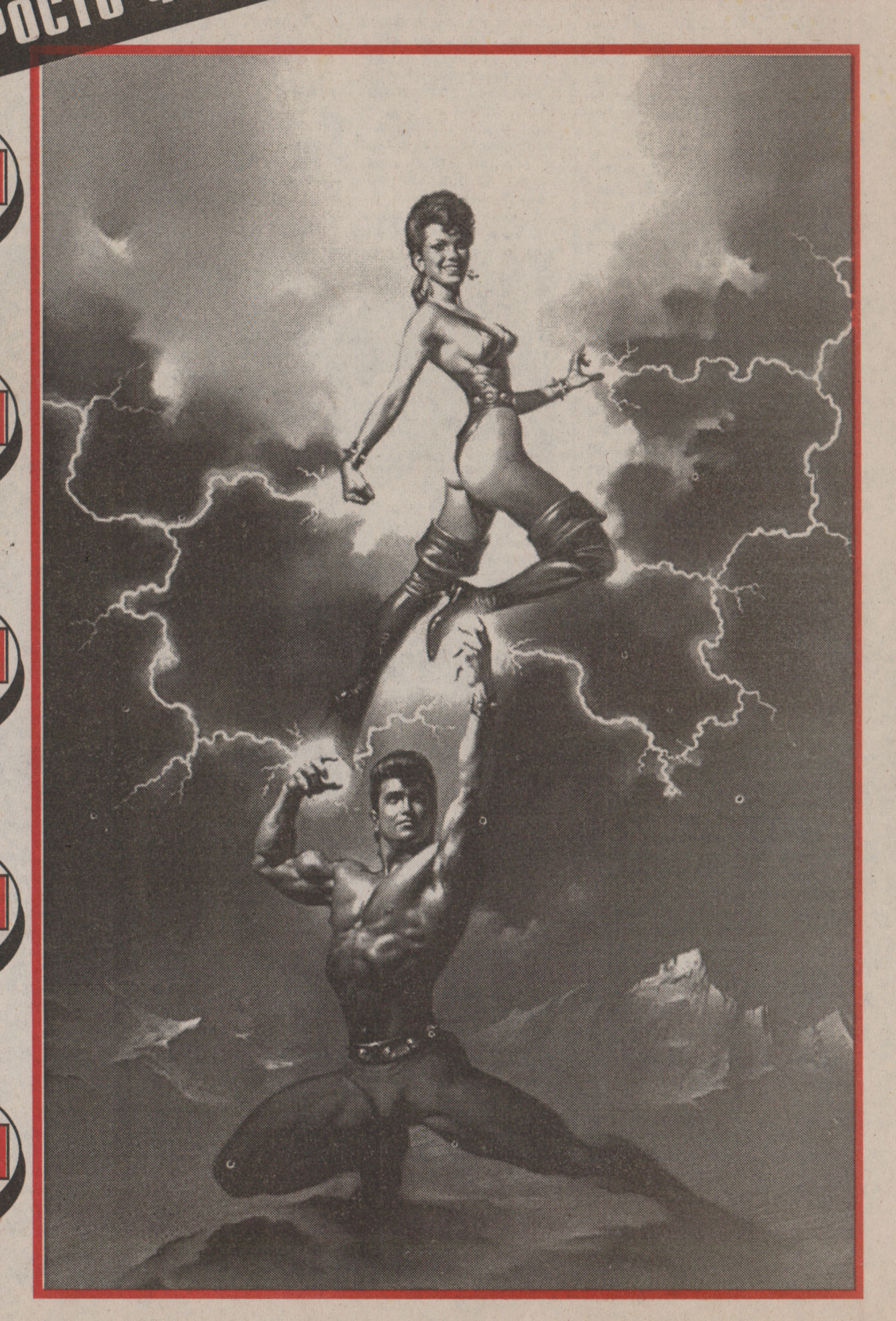
№ 10(121)
2003 год

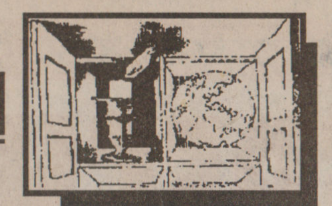
ИНТЕРЕСНАЯ ГАЗЕТА

ВЫПУСК ДВЕНАДЦАТЫЙ

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

ПРОСТО ФАНТАСТИКА

ФИННЫ НАПУСКАЮТ ТУМАНУ

Изобретение доктора Исмо Ракколайнена и профессора Карри Паловуори из технологического университета в Тампере (Финляндия) называется «Walkthru Fog Screen». Первое название укладывалось в аббревиатуру WAVE (Walkthru Virtual Environment — сквозная виртуальная среда), но от «волны» решено было отказаться.

Этот физически проницаемый туманный экран делает реальным прохождение сквозь кирпичную стену. Правда, если эта стена на экран проецируется. Эффект создается такой, будто изображение, достаточно, кстати, качественное, плавает в воздухе. Принцип работы экрана: сверху подается так называемый ламинарный поток воздуха, внутрь которого посредством отдельных носиков вводятся частички тумана (или дым). Туман при этом перемещается как бы слоями. Ранее «дымку» делали из жидкого азота. Что колышется в экране, изобретатели скромно умалчивают. Поток тумана защищен потоком воздуха. На сформированный таким образом экран и проецируется изображение. Хоть спереди, хоть сзади. Туман у финнов получился сухим и неядовитым, а экран — плоским, причем его прозрачность регулируется от почти полной до практически непроницаемой.

Сама установка, по словам создателей, стоит недорого и применяться может во множестве областей. «Walkthru Fog Screen» уместен во многих местах: как площадь для рекламы в магазинах и парках, при создании виртуальной и смешанной реальностей, где экран будет играть роль стен и способствовать погружению... С января 2003–го установка «Walkthru Fog Screen» постоянно работает в музее «Vapriikki» все в том же Тампере. А в июне известный финский мастер пантомимы Маркку Лайтинен стал первым в мире артистом, использовавшим сквозной экран в своей пьесе «Pierrot in Globalisation».

В конце июля в Сан–Диего экран демонстрировался на выставке «Siggraph 2003» — на него проецировалась «Мона Лиза» Леонардо да Винчи.

Вручена Премия Брэма Стокера

Премия Брэма Стокера, пожалуй, самая авторитетная награда для англоязычных писателей, работающих в жанре хоррор. На ежегодной конференции Американской ассоциации авторов «ужастиков» в июне этого года состоялось очередное вручение этого приза. В номинации «За заслуги перед жанром» были отмечены отлично известный отечественному читателю Стивен Кинг и Дж. Н. Уильямсон, имя которого нам не говорит практически ничего. Остальными победителями стали:

в номинации «Роман» — **Том Пиччирилли** («Ночная учеба» — «The Night Class»);

в номинации «Дебютный роман» — **Элис Себолд** («Милые кости» — «The Lovely Bones»);

в номинации «Повесть» — **Томас Лиготти** («Моя работа еще не сделана» — «My Work Is Not Yet Done») и **Брайен Хопкинс** («El Dia de Los Muertos»);

в номинации «Рассказ» — **Том Пиччирилли** («Ребенок–недучдачник потолстел с горя» — «The Misfit Child Grows Fat on Despair»);

в номинации «Авторский сборник» — **Рэй Брэдбери** («Еще один в дорогу» — «One More for the Road»);

в номинации «Антология» — сборник «Более темная сторона: Поколения хоррора» («The Darker Side: Generations of Horror»);

в номинации «Нехудожественная книга» — **Рэмси Кэмпбелл** («Возможно: Эссе о хорроре и разновидностях фэнтези» — «Probably: Essays on Horror and Sundry Fantasies»);

в номинации «Произведение для молодых читателей» — **Нил Гейман** («Коралина» — «Coraline»).

Из журнала «Звездная дорога» (Москва)

Что нам Ялта и Сочи! Нам понравилось очень собираться в Свердловске, друзья...

С 31 июля по 3 августа 2003 года в Екатеринбурге прошел XX юбилейный всероссийский фестиваль фантастики «Аэлита».

В 1980 году Владислав Крапивин, Станислав Мешавкин, занимавший пост главного редактора журнала «Уральский следопыт», Юрий Яровой и Виталий Бугров придумали награду для отечественных писателей–фантастов. Первыми ее год спустя получили Александр Казанцев и братья Стругацкие.

Старейший российский конвент знавал трудные времена. В 1986 году специальным постановлением очередной фестиваль был просто–напросто отменен. В 1995–1996 годах общие для всей страны экономические трудности, к тому же совпавшие с уходом из жизни Виталия Ивановича Бугрова, поставили под вопрос существование самого «Уральского следопыта», проводившего фестиваль все эти годы. Да и финансовое положение самих любителей фантастики было таково, что некогда многолюдный (на него собиралось до 1000 человек) конвент грозил превратиться в локальный «междусобойчик».

В этом году финансирование «Аэлиты», совпавшей с 280–летием Екатеринбурга, взяли на себя местные спонсоры. Во многом благодаря им в числе почетных гостей оказался Роберт Шекли, знаменитый американский писатель, впервые посетивший азиатскую часть России. Среди гостей юбилейного фестиваля были также писатели Юлий Буркин, Василий Головачев, Владимир Савченко, Виталий Пищенко, Геннадий Прашкевич, Евгений Филенко, главный редактор журнала «Звездная дорога» Александр Ройфе и другие.

Лауреатами премий, вручавшихся на XX уральском фестивале фантастики, стали:

— *«Аэлита» — Владимир Савченко;*

— *Приз имени И.А.Ефремова — Дмитрий Ватолин, создатель сайта «Русская фантастика»;*

— *Приз «Старт» — Виталий Каплан за дебютный сборник «Корпус»;*

— *Приз имени В.И.Бугрова — Евгений Пермяков;*

— *Медаль имени И.Г.Халымбаджи — Василий Головачев, Владислав Крапивин.*

ПОТТЕР–НЬЮЗ

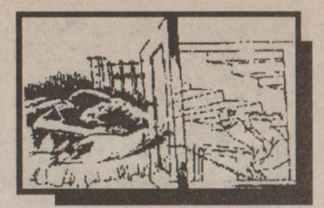
Ровно в 0 часов 0 минут 21 июня в Великобритании, США и других странах началась продажи пятого романа о Гарри Поттере — «Гарри Поттер и Орден Феникса». В этой книге 766 страниц, на создание которых Джоан Ролинг потребовалось три года. Ажиотаж вокруг новинки превзошел все ожидания: интернет–магазин «Amazon» собрал на нее 1,3 млн предварительных заказов, в первые дни после начала продаж она расходилась со скоростью восемь экземпляров в секунду. А ведь критики называют этот роман самым мрачным в саге о Поттере: к примеру, в нем гибнет один из положительных героев... По оценкам специалистов, Джоан Ролинг заработает на «Ордене Феникса» около 50 млн долларов.

Не обошлось и без скандалов. Самый громкий связан с американским таблоидом «New York Daily News». Журналист этого издания, раздобыв где–то новый роман о Поттере (он утверждает, что просто купил его в одном из книжных магазинов Бруклина), накануне 21 июня опубликовал в своей газете короткий пересказ произведения, выдав по ходу дела все сюжетные загадки. Ролинг подала в суд и рассчитывает содрать с бойкого таблоида еще несколько миллионов.

Как известно, в Поттеровской саге должно быть ровно семь томов. Но Ролинг не спешит садиться за шестой: она призналась, что потихонечку пишет некий роман для взрослых и, работая над ним, «чувствует освобождение».

Зато взялись за дело русские переводчики. После уничижительной критики, которой были подвергнуты труды Игоря Оранского и команды под руководством Марины Литвиновой, издательство «РОСМЭН» в корне пересмотрело свою политику в этом вопросе. Для перевода пятого тома были приглашены лучшие силы, какие только есть в России: им займутся Виктор Голышев, Владимир Бабков и Леонид Мотылев, ранее переводившие исключительно «литературу для высоколобых». Более того, издательство готово терпеливо ждать их текста аж до февраля 2004–го — неслыханная толерантность! Кстати говоря, Голышев и Бабков переводят сейчас популярные на Западе фантастические сказки Филипа Пулмана — неужели до издателей наконец дошло, что массовая литература тоже заслуживает хорошего перевода?

Из журнала «Звездная дорога» (Москва)

Нанотехнологии: фантастика и реальность

Ровно 100 лет назад знаменитый физик Макс Планк впервые приоткрыл дверь в мир атомов и элементарных частиц.

В 1959 году, когда доработанная квантовая механика Планка сделала возможным появление атомной электростанции, а японские города уже испытали на себе ужас ядерной бомбардировки, американский физик Ричард Фейнман заявил: «Пока мы вынуждены пользоваться атомарными структурами, которые предлагает нам природа». И добавил: «Но, в принципе, физик мог бы синтезировать любое вещество по заданной химической формуле».

Знаменитая лекция Фейнмана, известная под названием «Там, внизу, еще много места», считается сегодня стартовой точкой в борьбе за покорение мира атомов и молекул. В ней, кстати, ученый назначил приз — 1000 долларов тому, кто впервые запишет страницу из книги на булавочной головке. Это было осуществлено уже в 1964 году.

Само понятие же «нанотехника» было введено в 1974 году японцем Норио Танигучи. Первые средства для нанотехники были изобретены в швейцарских лабораториях фирмы IBM. В 1982 году был создан растровый туннельный микроскоп, а в 1986 году — атомный силовой микроскоп (на самом деле это зонд, и наблюдение с его помощью неотделимо от манипуляций с частицами).

В 2002 году бывший студент пионера наноисследований Эрика Дрекслера Крис Феникс с Робертом Фрайтасом–младшим, автором первой книги о медицинском применении нанотехнологий и нанороботов под названием «Nanomedicine», представили результат шестилетней совместной деятельности — 100–страничный документ под будоражащим умы названием «Roboblood» (робототехническая кровь). «Робокровь» — это сложная мультисегментная нанотехнологическая медицинская робототехническая система, способная дублировать все функции крови, включая циркуляцию дыхательных газов, глюкозы, гормонов, отходов, клеточных компонентов, процесс деления цитоплазмы. Она включает в себя около 500 триллионов микроскопических наномедицинских устройств общим весом примерно 2 кг, потребляет 30–200 Ватт энергии в зависимости от рода человеческой деятельности. Система соответствует форме кровеносных сосудов и служит полной заменой естественной крови.

Среди возможных выгод замены обычной кровеносной системы нанотехнологической называют: во–первых, исключение из крови бактерий, вирусов и других паразитов; во–вторых, тотальное уничтожение болезней сосудов вроде атеросклероза. Более быстрая обработка кислорода приведет к повышению выносливости человека — нанороботы укрепят вены и артерии, защитят их от повреждений. Остальное, в том числе и ужасы, можно дофантазировать самостоятельно.

Впрочем, можно не напрягать мозги, а обратиться к профессиональным «фантазерам» — писателям–фантастам. Нил Стивенсон еще в 1995 году в своем романе «Алмазный век» описал общество, жизнь которого буквально пронизана нанотехнологиями. Наноустройства можно вживить под кожу, чтобы сделать лицо красивее или выразительнее (усовершенствование, необходимое актерам будущего); можно слепить из них китайские палочки для еды с проявляющейся рекламой («дружественные пользователю бамбоидные палочки с цветными рекламными объявлениями») или целую книгу, которая всю жизнь будет помогать маленькой девочке превратиться в леди; они могут заменить заборы и запоры, а также успешно шпионить за любым гражданином; с помощью них можно сделать человека сильнее — крошечные энзиты будут ежесекундно сокращать мускулы электрическими импульсами, а можно, запустив нанопаразитов в нервную систему, запытать хоть до смерти — если конечно, пытуемый не окажется «нанохакером».

Вот, собственно, мы и подошли к главным ужасам. Возможность легко убить кого угодно среди них — не самый потрясающий. Хотя выглядит впечатляюще: «Достаточно упомянуть «Красную смерть» (в просторечии — «Семиминутка») — крохотную аэродинамическую капсулу, которая при ударе взрывается и выбрасывает в кровь жертвы тысячу с лишним малюсеньких телец, в просторечии называемых «дыроколами». Известно, что полный цикл кровообращения у среднего человека составляет семь минут; за это время дыроколы успевают проникнуть во все жизненно важные органы.

С виду дыроколы похожи на таблетку аспирина, только более выпуклые — для защиты от внешнего давления; как у многих других нанотехнологических устройств, внутри у них вакуум. В нем вращаются две центрифуги, на одной оси, но в разные стороны, чтобы не получался гироскоп. Таблетку можно настроить разными способами, простейший — семиминутные бомбы замедленного действия.

Взрыв разрушает связи между центрифугами, и тысяча с лишним снарядиков разлетаются в стороны. Внешняя оболочка лопается, каждый снарядик порождает взрывную волну, которая на первых порах причиняет на удивление мало вреда — прокладывает узенькую прямую дорожку и, может быть, отбивает кусочек кости. Самое главное происходит дальше, в зависимости от начальной скорости центрифуги на разном расстоянии от точки взрыва; внутри этого радиуса все остается практически целым, а по периферии разрушается — отсюда «дырокол». Жертва издает громкий звук, словно бич хлопает, — это куски тела вылетают и переходят звуковой барьер в воздухе» (Н.Стивенсон «Алмазный век»).

Аппетитная картинка, правда?

Но первое место среди нанокошмаров занимает самокопирование нанороботов. Из–за бесконечного процесса самовоспроизводства Землю грозит покрыть толстый слой «серой слизи» — этим еще в 1986 году пугал Эрик Дрекслер (в 1981 году была опубликована его научная работа, посвященная проблемам нанотехнологии, а в 1986 появилась его книга «Машины созидания», где речь шла о самовоспроизводящихся роботах размером с молекулу, которые, например, могли уничтожать раковые клетки в человеческом организме).

Фрайтас заявляет, что нанороботы самокопироваться не должны — разве что в краткие периоды их ограниченного срока эксплуатации. По идее, роботов будут делать за пределами организма, а потом вводить–выводить по мере необходимости. «Ни один серьезный ученый никогда не предложит ввести в организм репликаторов, — заявил серьезный ученый Фрайтас. — Мы и так уже имеем вирусы, бактерии и других паразитов, которые могут копироваться внутри нас, и это — достаточно неприятно. Зачем нам их еще больше?»

Прекраснодушный наномедик забывает о том, что далеко не все ученые достаточно серьезны и ответственны, да и вообще население Земли состоит не сплошь из ученых. Если высоколобые сподобятся создать что–то действительно полезное — уж будьте спокойны, пираты найдут возможность это скопировать и размножить.

Впрочем, пока наноапокалипсис нам не грозит. При сегодняшнем состоянии науки и техники для того, чтобы сложить с помощью силового микроскопа пирамиду размером в один нанометр, не хватит человеческой жизни. Хватит ли нашей жизни дождаться, пока процесс упростится и ускорится?

№10(121)
2003 год

Я люблю тебя, мир!

Иван Иванович Кузякин был самым обыкновенным работником журнала «Сплетни». Утром он вставал ровно в семь часов, чтобы ровно в восемь тридцать появиться на работе, открыть свой потертый портфель и выложить на стол чистый лист бумаги. Затем он вооружался перьевой ручкой и начинал писать. Слово вырисовывалось за словом. Предложение — за предложением. Через некоторое время Иван Иванович откладывал на угол стола полностью исписанный листок и брал из портфеля новый.

Короткий обеденный перерыв ненадолго прерывал работу. И снова стол, портфель, листок бумаги и ручка.

Вечером Кузякин, так и не промолвив ни слова, относил написанное редактору на правку и незаметно удалялся домой.

Коллеги, поначалу удивлявшиеся молчаливости и замкнутости Ивана Ивановича, со временем привыкли к нему и даже перестали замечать. Редактора Куращова же волновала только исполнительность. А со своей работой Кузякин справлялся превосходно, не получив за пять лет ни одного нарекания.

Так и шли рутинные будни. Медленно тянулись скучные выходные, проведенные в полном одиночестве. Пока в офисе редакции неожиданно не появился низенький лысоватый мужичок. Быстро осмотрев небольшое помещение, заставленное столами, он без лишних раздумий направился к Ивану Ивановичу. Остановился в шаге от стола.

— Здравствуйте, — пробормотал он, нервно теребя в руках берет.

Иван Иванович медленно поднял голову. Тяжело взглянул на посетителя. Промолчал.

— Понимаете, — засуетился мужичок, — мне вас порекомендовали как специалиста по... проблемам...

— Я слушаю. — Кузякин спокойно отложил ручку. Посмотрел на практически полностью исписанный лист бумаги и отложил его на край стола.

— Есть один человек... Вы гарантируете, что все сказанное мной останется между нами? Здесь нет записывающей аппаратуры?

Иван Иванович ждал, неотрывно глядя в бегающие глазки посетителя.

— Хорошо-хорошо... Я перейду сразу к делу. Не хочу вас отвлекать... Вот фотография.

Кузякин взял из дрожащих рук листочек плотной бумаги и, даже не взглянув на него, положил в портфель.

— Этот человек мне очень не нравится! Вы понимаете меня? Очень!

— Я понимаю.

— Сколько я вам должен?

— Вы знаете, — сухо сказал Иван Иванович.

— Да-да, мне говорили ваш тариф.

На стол лег толстый конверт. Сквозь стенки проступала прямоугольная зеленая бумажка. В ее углах красовалось число «100». Конверт отправился вслед за фотографией.

Кузякин достал из портфеля чистый листок бумаги, взял ручку и снова окунулся в работу.

— До свидания, — пробормотал мужичок, надел берет и, нерешительно переступив с ноги на ногу, поспешил к выходу.

Слово вырисовывалось за словом. Предложение — за предложением.

***

Детство Кузякина, когда он был еще только Ванюшей и Кузей, обещало быть солнечным и беззаботным. Но со смертью родителей все сразу же изменилось.

Это случилось после того дня рождения, когда ему торжественно вручили велосипед. Весь вечер Ваня не мог нарадоваться подарку, с нетерпением ожидая утренних испытаний. А на следующий день поздним вечером пришел дядя Вася и сказал, что родители уже не придут. Никогда.

Иван Иванович помнил похороны, потом переезд к дяде и тете. Дальше полгода исчезли в тумане боли и обиды...

Через год умерла тетя.

Случилось это после Нового года. Кузе тогда от тети досталcя в подарок телескоп. Но мальчик так ни разу в него и не взглянул. Пьяный водитель не справился с управлением, и Ванюша остался жить с одним дядей Васей, которого невзлюбил с первого дня знакомства.

Неожиданно у дяди Васи выгорела рискованная сделка и, продав квартиру, он купил особняк в богатом районе города. Постепенно его отношения с племянником улучшились, и он даже купил ему на совершеннолетие машину. Но едва Кузя почувствовал приятный вкус роскошной жизни, как врачи обнаружили у дяди рак. И через месяц его не стало. Потом появились кредиторы, и вскоре Ваня уже снимал квартиру в осыпающейся от старости блочной девятиэтажке. Он работал и учился. Учился и работал. Пока однажды вечером к нему не пришло понимание. Догадка вспыхнула в сознании, когда умер соседский пес. Кузе очень нравился этот смышленый пес.

Очень!

Он вспомнил, как благодарил родителей за велосипед, тетю — за телескоп, дядю — за машину.

Он понял!

Все, кому он желал добра, становились несчастными или...

Или умирали.

Он вспомнил успешную сделку дяди.

Он понял!

Те, кого он не любил, процветали и жили счастливо. И сразу же память выловила десятки случаев, подтвердивших догадку. Все стало на свои места.

Он понял!

После вечера озарения Кузя замкнулся в себе. Разорвал все контакты со знакомыми. Бросил девушку, за которой только начал ухаживать. Тогда же выбросил старый магнитофон, телевизор и компьютер. Избавился от всего, что могло вырвать из глубины сознания непокорные эмоции. Его лучшими друзьями стали перо и бумага.

Шли годы. Вокруг Вани все успокоилось. Мир жил по своим законам...

Пока директор фирмы, в которую Кузя устроился работать после учебы, не выгнал его для того, чтобы пристроить своего племянника. Тогда Ване, терзаемому обидой и яростью, впервые пришла мысль, в корне изменившая его жизнь. Он целый вечер провел, рассматривая фотографию своего бывшего босса, убеждая себя, что смотрит на достойнейшего человека.

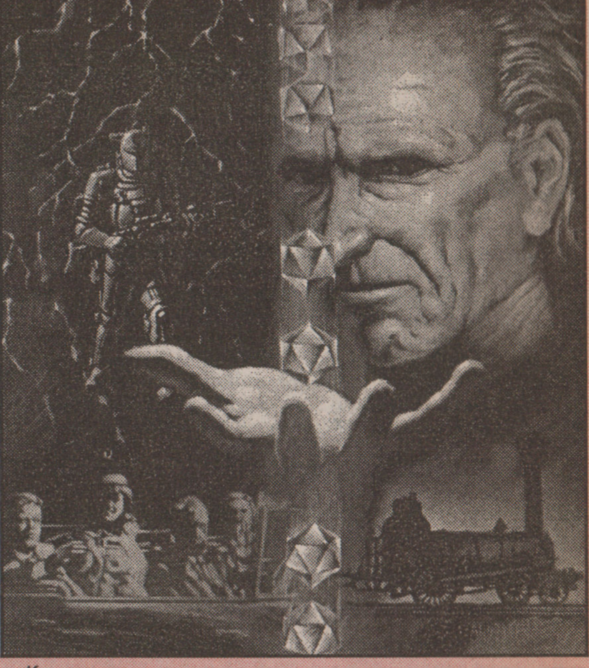
Кузя заставил себя полюбить его!

Ваня стал восхищаться своим начальником. А на следующее утро узнал, что босса убили. Попал под шальную пулю во время чужих разборок.

С тех пор жизнь Кузякина наладилась. Постепенно нашла свое русло. Он научился полностью контролировать свои чувства и всецело пользоваться своим проклятием. И не было угрызений совести. Он убил ее вместе с чувствами.

***

Иван Иванович присел на диван и покосился на портфель. Только теперь, когда скромный ужин исчез в недрах желудка, он позволил себе вспомнить о посетителе. Наклонился, подхватил портфель и медленно достал фотографию. Ленивый взгляд скользнул по белокурым волосам женщины, переместился на лицо жертвы.

Кузякин замер, не в силах поверить в увиденное. С фотографии на него смотрела та самая девушка, которую он бросил после вечера озарения! Она стала старше, но возраст только подчеркнул ее красоту. Иван Иванович не заметил, как залюбовался, как всплыли из запуганной памяти минуты недолгих встреч.

А когда спохватился, то было уже поздно.

Он с замиранием сердца попытался возненавидеть девушку своего детства, но только сильнее увлекся ее красотой. Внезапно он понял, что на глаза наворачиваются слезы. С силой отбросил фотографию и уткнулся лицом в подушку.

***

На следующий день мужичок пришел снова. Чтобы поблагодарить и выплатить вторую половину гонорара. А Кузякин только смотрел на него и думал о том, какой хороший перед ним стоит человек...

Когда посетитель ушел, Иван Иванович уже не сомневался в его будущем.

За весь день Кузякин не написал ни одной строчки.

Домой вернулся поздно. Едва смог открыть дверь пляшущим в пальцах ключом. Попытался вспомнить, сколько же баров он обошел. Но тут в колени врезалась кровать, и он, распластавшись на белоснежном одеяле, забылся пьяным сном.

***

Целую неделю он готовил себя. Но так и не смог поднять к виску пистолет. Он не хотел жить, но не хотел и умирать. Несколько раз нервно надрывался телефон, но Иван Иванович терпеливо ждал, когда закончится трезвон. Видимо, звонили с работы. Больше ничего его не связывало с этим миром.

Почему он не мог ненавидеть этот мир?

Этот вопрос Кузякин задавал себе давно. Но никак не мог найти ответа. Почему ему так легко любить и так тяжело ненавидеть?..

Рука сама тянется за полупустой бутылкой. Глоток. Все внутри на миг запылало, огонь растекся по телу. Сознание испуганно ощутило, что потеряло контроль над телом. А Иван Иванович тем временем медленно вышел на балкон, резко втянул грудью осеннюю прохладу и медленно произнес:

«Давайте жить дружно!»

***

Третью мировую войну Кузякин закончил в звании генерал-лейтенанта. Он заставил себя очень часто восхищаться противником.

Усталый взгляд скользил по закопченным огрызкам стен.

«Вот я и дома», — подумал Иван Иванович, выпуская очередное колечко сигаретного дыма. Посмотрел через него на развалины. От города практически ничего не осталось. Только несколько стен его родного дома. Остальное превратилось в каменную пустыню.

«Я люблю тебя, Земля! — неожиданно закричал Кузякин, вскинув руки к небу. — Я люблю тебя, мир!»

Шофер отбросил окурок и удивленно посмотрел на генерала.

Иван Иванович улыбался.

Он ждал. Он не знал.

Александр МОКИН,
г. Винница

Книга трех народов

Рецензия на романы Елены Первушиной «Умри, ведьма!» и «Короли побежденных»

К двум романам Е. Первушиной не применима рекламная фраза, что они–де «читаются запоем». Запоя не будет (как и похмелья), но вот впечатление после прочтения еще долго будет отстаиваться, кристаллизоваться и разворачиваться все шире и шире. Это не тот мир, через который читатель скачет галопом, выискивая, где бы голову сломить. Через него проходят не спеша, но очень много из него уносят.

Перед нами романтическая фэнтези, где мотивы поступков имеют не меньший вес, чем боевые приемы. Мир ее — обычное средневековье с королями, борющимися за власть, рыцарями, живущими в замках, и, что еще интереснее, крестьянами и ремесленниками, кормящими всех остальных. О них многие забывают, но именно они придают любому литературному миру основательность и жизнеспособность. Этот мир ничем не отличается от нашего, населен вполне привычными персонажами, но текст создает ощущение замкнутого своеобычного пространства, и мы наблюдаем за его жизнью как сквозь волшебное зеркало. Даже цитаты из наших поэтов или выражения типа «собака баскервильская» не нарушают, как ни странно, его своеобразия, а кажутся диковинными пестрыми камешками, занесенными волной издалека. Язык достаточно прост, не поражает изысками, но стиль выразителен и ярок: мы чувствуем запах леса, слышим музыку городского праздника, видим, как блик весеннего солнца скользит по старинным гобеленам аристократического дома. Вещи, которые видел каждый, описаны узнаваемо. «В лесу еще оставались острова снега, вернее, наста, сплошь засыпанные еловыми иглами и тонкими веточками». Но и предметы, которых мы не видели, — например, письмо, написанное на золотистой бумаге и привязанное к бутону ириса, — выступают как зримые и необходимые фрагменты того мира, в который мы с ними входим. Персонаж и его мир — неразделимые части живого целого, описанного мягкими, но живыми и запоминающимися красками.

Название «Умри, ведьма!» не вполне отражает суть происходящего. По ходу действия романа молодая ведьма по имени Десси отнюдь не умерла, а даже наоборот, вышла замуж. За волшебника. Перед свадьбой есть немного войны, немного борьбы двух династий за королевскую корону, немного оборотней и привидений. Из–за множества тем и коротких, часто рвущихся сюжетных линий остается не совсем ясным, что же автор всем этим хотел сказать. Но книга хороша уже тем, что вполне свободна от фэнтезийного шаблона. Здесь нет навязшего в зубах спасения мира, и героиня не пытается, взяв в каждую руку по мечу, превзойти всех мужчин в чисто мужских добродетелях. Весьма символично, что ведьма физически не может взять в руки никакое оружие, оно в прямом смысле убегает от нее — у нее другие силы и возможности. Не масштабные, как–то камерные (в музыкальном смысле) приключения Десси в лесу, в деревне, в заколдованном замке описаны оригинально, изобретательно, местами с юмором. Одичавшие нижние юбки из старых графских сундуков, бродящие в лесу, производят особенно глубокое впечатление. Лесная магия славян причудливо и не без вкуса переплетается с романтикой рыцарей и замков. И хотя остается впечатление, что действие окончилось, толком не начавшись, может быть, в этом виновата наша привычка вечно «спасать мир». Мы немного отвыкли от мысли, что каждый человек — сам по себе мир, вполне достойный изучения.

Роман «Короли побежденных» состоит из трех частей, каждая из которых представляет собой сюжетно замкнутую повесть. Каждая часть рассказывает об очередной главе во взаимоотношениях трех народов: церетов, тардов и асенов. Между первой и второй частью проходит около ста лет, между второй и третьей — видимо, еще больше. В каждой из повестей уже другой народ оказывается «властителем мира». И, судя по прологу, весы судьбы поднимали и опускали каждый из них не один раз. Никакая победа не бывает окончательной — ведь пока История не закончилась, все еще может измениться, а когда История закончится, победителей не будет.

Ни один из трех народов не состоит из «злодеев» и «варваров», каждый из них хорош по–своему и владеет собственными культурными богатствами. «Каждый народ знает кусочек правды. Но поговорить друг с другом мы почему–то можем лишь на пороге войны». Но все же симпатии автора принадлежат асенам, людям осени, которые «всю жизнь смотрят на падающие листья». Этот народ чем–то напоминает эльфов: «Стройные всадники в парчовых, подбитых мехом плащах, хрупкие всадницы в бархатных платьях проплывали среди людей, тихо смеясь каким–то своим шуткам, и не было человека, который не посмотрел бы им вслед». В первой части они — истинные короли жизни, внушающие восхищение и зависть. Во второй асены уже побеждены, уже живут под властью чужого императора, но сохраняют богатства, влияние и свое неповторимое изящное своеобразие. В третьей части лучшие из них стали рабами, но и в этом положении они, сохраняя творческий дух, живут в ладу с миром и собой. И пусть даже предисловие, написанное «из будущего», обещает асенам полное забвение языка и культуры, почему–то мы верим, что у них впереди новое возрождение — как не умирает окончательно ничто из когда–то бывшего и как не бывает окончательной ни одна победа. «И даже если вы победили, неужели вы думаете, что действительно победили?»

Форма подачи материала разнообразна: рассказ ведется от лица то одного героя, то другого, то от автора, часть действия раскрывают письма или дневники, реальные события сравниваются с легендами, которые были ими порождены. Жизнь все время поворачивается разными сторонами, и вселенная вечно вращается, непредсказуемая и бессмертная.

В этих книгах есть борьба, но нет разделения на Добро и Зло, на «хороших» и «плохих». «Просто все рядом — жизнь и смерть, тьма и свет, земля и небо...» В них отразилась древняя мудрость кельтов, славян, германцев, даже греков, и, что особенно важно, эта мудрость донесена в той форме, которая полезна и современному человеку. В этом и состоит назначение фэнтези как жанра, именно такой фэнтези должна быть, но именно такой она, к сожалению, бывает очень редко. Хотелось бы, чтобы именно таких книг и таких авторов было больше. Пора нам, в конце концов, выбираться из черно–белых миров, где тьма и свет всегда отдельно.

Елизавета ДВОРЕЦКАЯ, г.Москва

РУССКИЕ ФАНТАСТЫ ПОСЕТИЛИ ПОЛЬСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

12–15 июня в рыцарском замке рядом с польским городком Нидзич прошел X Фестиваль фантастики. Его отличительной чертой оказался массированный десант российских писателей. В Польше побывали Андрей Лазарчук и Ирина Андронати, Кирилл Еськов, Марина и Сергей Дяченко, (у всех перечисленных фантастов накануне фестиваля вышли книжки в польском издательстве «Солярис»), Андрей Белянин и Галина Черная, Николай Басов. Ехал в Нидзич и Михаил Успенский, однако бдительные польские пограничники, усмотрев какой–то непорядок в документах Михаила Глебовича, без зазрения совести ссадили его с поезда на польско–белорусской границе. Что и говорить, неприятный сюрприз...

Те же, кто добрался до Ольштынского воеводства, ждала весьма насыщенная программа. Помимо встреч с писателями (а отряд «аборигенов» на фестивале составили такие звезды польской фантастики, как Марек Орамус, Марчин Вольский, Яцек Инглот, Анджей Земянский, Майя Коссаковская; приехали и знакомые нам по российским конвентам Эугениуш Дембский и Павел Лауданьский) были устроены кинопросмотры, вернисажи, литературный конкурс. На отдельной церемонии вручалась премия «SFinks» — ею отметили переводы Харлана Эллисона, Нила Геймана, Теда Чанга, а также лучшие польские роман и рассказ (как оказалось, оба их написал Анджей Земянский).

Судя по интересу, который вызывает сейчас в Польше российская фантастика, трудные времена в отношениях между нашими странами (и литературами) уходят в прошлое. И вот еще одно тому доказательство: на фестиваль «Полкон», организаторы пригласили Сергея Лукьяненко, чьи книги входят сейчас в списки польских бестселлеров.

Из журнала «Звездная дорога» (Москва)

GO WEST!

Украинские и российские писатели приступили к завоеванию западной читающей публики.

Весной этого года в Польше вышла книга Владимира Васильева о ведьмаке Геральте. В польском же издательстве «Солярис» вышли книги Марины и Сергея Дяченко, Андрея Лазарчука и Иры Андронати, Кирилла Еськова.

Достигнута договоренность с одним из американских издательств о публикации романа Владимира Васильева «Смерть или слава» на английском языке. Выход книги намечен на конец этого года.

А Сергей Лукьяненко на «Еврококне–2003», прошедшем в июле в г.Турку (Финляндия), был признан лучшим писателем–фантастом.

Ловушка для магов

Город был обречен, и это понимали все. И бившиеся на стенах воины, и угрюмые кузнецы, с утра до вечера остервенело звеневшие в кузнях молотами, изготовляя наконечники стрел и копий, и женщины, кипятившие прямо на улицах смолу в бочках и воду. Понимал это и Верховный Правитель Мустафа, и его многочисленные приближенные.

Но пока еще не была съедена последняя лошадь, пока еще оставались запасы риса на оказавшихся воистину бездонными складах купца Саддаха, гордость не позволяла осажденным открыть ворота войску северных варваров.

В такое время трудно живется вольному люду — всем этим музыкантам, лицедеям, предсказателям — и волшебники здесь не исключение... Мадрук аль Кабар чувствовал дурное к себе отношение и без всякой магии. Последние три дня он вовсе не решался выходить на улицу.

Сейчас он стоял у единственного окна своего дома. За окном начинался овраг — когда-нибудь, во время весенних ливней, дом осядет... осел бы вниз. Но зато и открывался вид на башню святого Раммазана. Маг умел видеть будущее, хотя и не всегда, и не всякое, но то, что город падет этой ночью, с минуты на минуту, он знал. И знал — как это будет. Впрочем, и здесь особой магии не требовалось. Хитроумные варвары привели к стенам города искусников-иберийцев, и те день за днем неспешно рыли подкоп под башню и закладывали в землю заряды тайлиньского огня. Огня было у них вдоволь.

И когда темнота раскололась вспышкой малинового пламени, он лишь закрыл окно и, присев на видавший виды пуфик, уставился на стоящий посреди комнаты большой кувшин темной, словно закопченной глины; в этом кувшине была заключена вся слава и гордость Мадрук аль Кабара, то, к чему он стремился долгие годы, ибо там был заключен джинн, и обошелся он магу в полторы тысячи звонких золотых монет — почти все его состояние. Больше в городе — маг это знал — было денег лишь у Рахмета абд Ахмета аль Вогези, визиря по торговым делам и сбору податей. Но разве только в золоте дело! Разве продал бы Морской Народ джинна и за пятнадцать тысяч, не будь у него, Мадрук аль Кабара, достаточно Силы и Осознания? Да и зачем бы ему тогда дух, заключенный в древнем сосуде? Разве может простой ремесленник или простой купец, или даже правитель хотя бы увидеть, а не то что снять магическую печать? Для него кувшин будет просто кувшином... Заполучив джинна, маг стал Владетельным Магом, одним из немногих, кто был допущен к лику Верховного Правителя. И как же невовремя явились эти варвары!

Маг думал о своем бедственном положении. Мало того, что с начала осады никто не прибег к помощи его ремесла. Но быть растерзанным толпой обезумевших горожан или зарезанным, как баран, кинжалом варвара... Толпа любит искать виноватых. За Верховного Правителя Мустафу опасаться не приходилось — во дворце есть тайный подземный ход. На кого обратит народ гнев, как не на волшебника, ни разу не прибегнувшего к могучим чарам, дабы спасти город?

Самым простым делом казалось выпустить джинна и приказать ему избить варваров. Но так только казалось. Мадрук аль Кабар не был Черным Магом, он не мог обратить свою Силу на убийство людей. В том, что варвары были, увы, людьми, сомневаться не приходилось. После такого Деяния маг лишается и Силы, и Осознания навсегда. Что ж, быть может, останется почет и слава победителя? Маг был неглуп и хорошо знал цену этой славы. Сперва — да. Но потом... Потом в сердце каждого горожанина, каждого воина, всякого, кто бьется сейчас насмерть в тщетной попытке удержать хлынувших в город врагов, зародится червь зависти. Каждый поймет, что не кто иной, как чародей украл у него победу. Да-да, победу, ибо червь зависти породит сомнение, из сомнения произрастет уверенность, и в городе все заговорят, что варвары-де были не так уж и страшны, чтоб не отбить их без колдовских дел, да и Солнцеликий Султан Ибрагим обещал подмогу — а подмога и вправду явится, через много дней, когда даже дым пепелища развеется... Не только народу, но и Правителю вряд ли нужен будет потерявший Силу маг.

Что ж, можно попросить джинна перенести его прочь отсюда, в чужие земли, снабдив достаточным количеством золота. Однако... чужие страны нисколько не прельщали Мадрук аль Кабара — в этом он мало чем отличался от любого добропорядочного горожанина, справедливо полагавшего, что его страна — лучшая, его вера — правильная и его язык — настоящий язык, которым только и должно изъясняться. Кем будет он в неведомых землях? Подозрительный чужак-волшебник. Да в других странах есть свои маги, и они, конечно, не пожалуют незваного гостя.

Перенестись в необитаемый край? Маг только усмехнулся. Заставить джинна населить этот край людьми? Мадрук аль Кабар представил себе подобный народ. Джинн не Всевышний, а он, Мадрук аль Кабар, — не кукловод. Конечно, можно попросить у джинна всемогущества. Маг расхохотался вслух. Всемогущество может дать тот, кто сам всемогущ, а всемогущий — уже не человек. Страшно стать не человеком...

Но было еще одно — протомившийся в заточении шайтан знает сколько лет джинн мог и ослушаться своего хозяина. Ведь не зря же надпись эта предупреждает...

Маг обвел взглядом комнату. Все здесь было привычным. Кроме джинна, трижды он неладен! Маг с ненавистью уставился на сосуд. Будь тот наполнен вином — сотню сифийских наемников, известных своей безудержностью в пьянстве, наверняка утолил бы!

Вино! Если бы вино! Ему снова захотелось напиться — до выпадения из Мира, чтобы, вернувшись, обнаружить, что город благополучно взят и разграблен, захватчики покинули пепелище, однако он — живой и невредимый. Если бы так!

Вина в доме не было ни капли — он опустошил все свои немалые запасы еще в начале осады. В который уж раз попытался применить магическое искусство — и лишь разразился бессильной бранью.:. Заклинание Диона, обращавшее воду в вино, опять получилось не таким, как надо; не таким получилось и вино — горьким, маслянистым и совсем не хмельным...

Но что же делать? Уходить ему теперь некуда — на улицах началась резня, дома не отсидеться... Да и у варваров есть сильные колдуны. Отыщут. Он чувствовал — их трое; наверное, из-за их темной воли он и не может сделать даже вина. Но печать с сосуда снять сумеет, ибо Осознание варварских шаманов не простирается далеко за Порог.

Он выругался. Учитель говорил: «Учи заклинание Анорры». — «Учитель, — ответил он однажды, — когда у меня будет джинн, мне не понадобится это Заклинание». Он уже тогда бредил джинном. А учитель промолчал и так странно улыбнулся. Теперь понятно — почему...

И ведь он мог успеть уйти — в начале осады. Мог. Но ему не удалось бы взять с собой джинна! Бросить джинна, просто так, на произвол судьбы бросить воплощенную мечту и... полторы тысячи золотых... Владетельность... О Всевышний, Кто Удерживает Миропорядок, о прибежище веры! Нет. Нет, тысячу раз нет!

С улицы донесся топот многих бегущих и шум — он не шелохнулся. Вдруг в дверь мощно ударили чем-то тяжелым.

— Открывай, сын греха! Открывай! — раздались голоса.

Он не ответил, лишь обхватил колени, уткнувшись в них подбородком.

— Спаси свой народ, порождение греха! Тебе заплатят, потом!..

Маг все не отвечал; за дверью притихли, но ненадолго. Вскоре она содрогнулась от еще более решительного удара; с потолка посыпалась лепнина. Третьего удара дверь бы не выдержала, но тут на улице залязгало железо, раздался истошный боевой вопль... «Значит, они уже здесь. Тем лучше», — отрешенно подумал маг.

— Нет! Не убивайте меня! — визгливо кричал кто-то.— Могучий господин, пощадите! Вы не знаете, что за этой дверью!

— Говори! — картаво гаркнул кто-то из чужих.

— Там очень могущественный маг! У него джинн, все знают это!

Короткий вскрик, затем — противное громкое бульканье. По-видимому, говоривший не надолго продлил свое земное существование. В дверь постучали — нетороплиВо, по-хозяйски. Чужак говорил омерзительно — гнусаво, растягивая слова:

— Эй, маг, открывай, да? Мы тебе легкую смерть будем делать, или отдавай свой джинн и иди отсюда, — похоже, воин развлекался,— нам джинн сильно-сильно нужен! Мы идем Вселенная воевать!

«Нет! Пора! Сейчас я сниму печать!»

Он опустился перед кувшином на колени, возложил руки на темную глину — в который уж сегодня раз; узкое горлышко сосуда превратилось в голубой стебель, и на его конце невиданной розой расцвела Печать Эскалура. А под руками мага, на поверхности кувшина словно из тьмы веков проступила тускло светящаяся надпись. Древние символы гласили: «Джинн Раггаль. Три желания одолевшему печать, если только джинн будет благосклонен».

Он знал, что растратил Силу, сегодня, когда снова и снова проявлял Печать, и знал, что этот раз — последний. Потом Силу долго собирать. А его время закончилось. Нужно решаться.

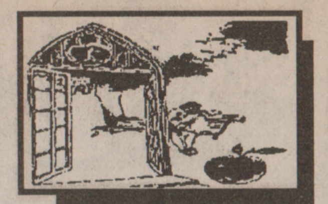
Маг уперся лбом в холодную глину. «Если будет благосклонен. А если нет? Или благосклонен к этим варварам? И что же просить? Зачем?.. Зачем эти вопросы?! Всегда вопросы. А я не умею... не хочу... Да пропади оно все пропадом!»

Рывком разогнувшись, маг Мадрук аль Кабар с трудом оторвал кувшин от пола и выдавил его прямо в окно, дробя цветные ромейские стекла.

Кувшин, казалось, замер на миг на краю и, лениво качнувшись, ухнул вниз; маг отшатнулся.

И за окном начало вспухать, раздуваясь, черное облако дыма...

Глеб ЕНАКИЕВ,
Лев РОСТИСЛАВСКИЙ,
г. Донецк

Винегрет для начинающих

В прошлых выпусках «Просто фантастики» (№№1–3 за 2003 г.) наши читатели могли узнать о том, какая судьба ожидает их гениальные творения после написания (цикл статей по мотивам выступления Г.Л.Олди «Я наваял нетленку. Что дальше?»). Тех, кто, не убоявшись трудностей общения с редакторами и издателями, собирается ваять нетленку и впредь, приглашаем ознакомиться с советами, которые дает начинающим писателям главный редактор журнала «Порог» А.Я.КОРЕПАНОВ.

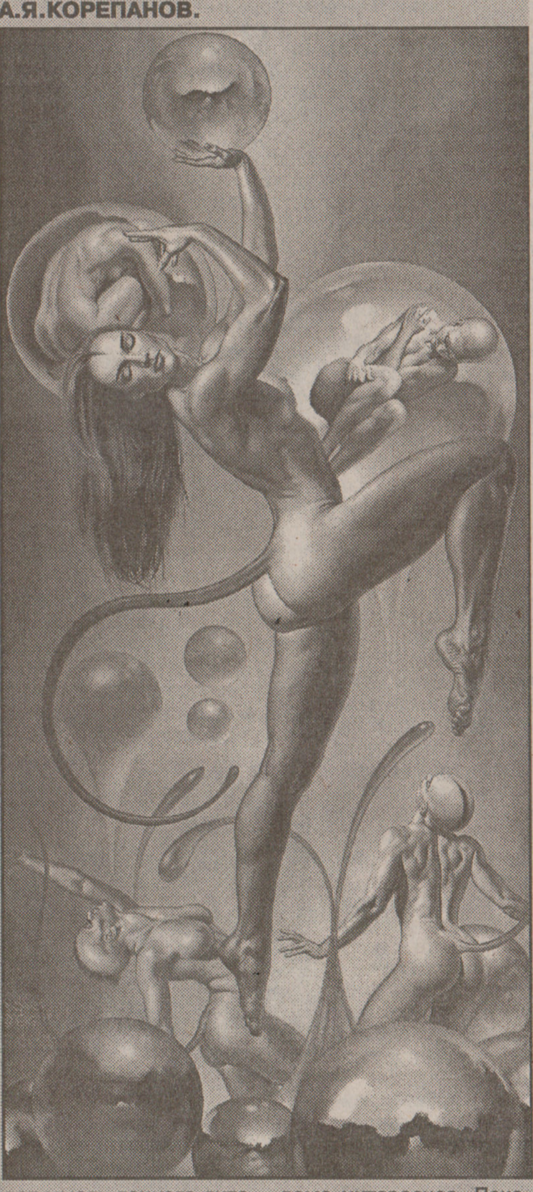
О, кстати (вернее, совсем некстати, но у нас же винегрет!), просматривая свои старые записи, обнаружил ответ Сергея Снегова на вопрос кого-то из «семинаристов» насчет того, много ли трупов должно быть в фантастическом произведении. «Увеличение количества трупов ослабляет впечатление от трупов», — таков был ответ.

Автор начинающий, доложу вам, нынче пошел ох какой кровожадный! Рассказ на две–три журнальные страницы, а народу положено–ухайдокано немеряно. А ведь есть такое соображение (сошлюсь на свой роман «Вино Асканты» — к черту скромность! И все равно его нигде не найти — у самого последний авторский экземпляр «зачитали» с концами), что литературные миры воплощаются в какой–то иной вселенной, и там убиенные авторами персонажи умирают на самом деле... Так давайте будем гуманными, господа. Мы ведь, между прочим, тоже вполне можем оказаться чьими–нибудь литературными героями, и если создавший нас автор столь же любит лить кровь...

Стоп, закругляюсь с этим пунктом! Потому что мысль не стоит топить в многословии. Существует мнение, что читатель не любит длинных рассуждений, ему действие подавай, «экшн». Побольше динамики! Поменьше заумных рассусоливаний! Потому как если читатель умишком ниже вас — ваши рассуждения ему неинтересны. Если выше — тоже... Как говорится, «это тезис спорный», но на всякий случай надо иметь его в виду.

Равно как и другой: «Не нужно грузить читателя своими мыслями». Вот что пишет по этому поводу один московский литератор: «Никому ваши мысли на хрен не нужны. Даже если считаете их замечательными. Даже гениальными. Способными спасти мир и цивилизацию. *[Не следует ли из этого, что и эта вот мысль данного литератора тоже «никому и на хрен?..» —* **А. К.***]* (...) У каждого читателя их своих вагон и две тележки. Замечательных, гениальных, небывалых. Каждый грузчик у пивной скажет вам, как спасти мир, цивилизацию, поднять курс рубля и вылечить СПИД. Понятно, свои идеи и мысли он считает заведомо интереснее. Почему? Да потому что **свои**!!! А не какого–то Хэмихуэя. Эту горькую истину надо запомнить накрепко. Иначе бросайте такое дело, как литература, сразу».

(Продолжение. Начало в №№ 4–9 за 2003 год)

Я не буду комментировать этот пассаж. Тут каждый должен определиться сам.

Еще один «методический совет», который можно принимать или «послать на хрен»: не злоупотребляйте диалогами (хотя есть ли тут мера, и кто ее, эту меру, знает?). А вот более конкретно (С. Снегов): не объясняйте в диалогах то, что нужно знать читателю, но что хорошо известно самим беседующим персонажам; не делайте диалог источником информации — это дешевый прием, признак провинциальности литературы.

Добавлю: читайте сочиненные вами диалоги вслух. Смогли бы вы так изъясняться в реальной жизни? Диалоги, между прочим, — одно из самых слабых мест поступающих в «Порог» произведений.

При всем разнообразии мнений встречается подчас и удивительное единодушие. Разные писатели высказывались по этому поводу разными словами, но суть одна. «Прочитай фразу и посмотри, что можно из нее выкинуть, чтобы фраза не рассыпалась», — советует И. Бабель (тот, которого путают с Бебелем). «Сокращай беспощадно!» — предлагает С. Снегов. «Молодому писателю нужно испытывать если не радость, то хотя бы чувство удовлетворения, когда он находит лишнюю строчку и зачеркивает ее», — говорит С. Антонов, призывая не лить «водичку». «Вычеркивай к такой матери те слова из уже написанной фразы, без которых можно обойтись», — без обиняков рубит Ю. Никитин.

Отмечу, что подавляющая часть моей редакторской работы заключается именно в этом занятии. И произведения от этого не только не страдают, но и выигрывают, — это не только мое мнение, но и мнение самих авторов, прошедших «обрезание». Путин, вон, говорил, что в Москве есть специалисты по этому делу. Ан не только в Москве! В Кировограде тоже! :-) (Эх, а сам–то я из Твери, поэтому с удовольствием публикую произведения земляков — даже если они не очень мастерски написаны).

(Окончание следует)

АСТРОБИОЛОГИ ОБНАРУЖИЛИ НОВУЮ ФОРМУ ЖИЗНИ

В озере Моно на севере Калифорнии ученые обнаружили новую разновидность бактерий из разряда экстремофилов. В НАСА полагают, что микроорганизмы, подобные открытой Spirochaeta americana, могли бы приспособиться к жизни на Марсе.

Новая разновидность была обнаружена в лаборатории во время анализа воды и грязи, собранных в озере. Покинув свою естественную среду обитания, где Spirochaeta americana живет в ужасных условиях — чрезвычайно высокая или чрезвычайно низкая температура, темнота, — этот выносливый микроорганизм оказывается удивительно хрупким и беззащитным. «Дома» же новооткрытый экстремофил прекрасно себя чувствует в высокоминерализованной соленой среде, в которой уровень pH может достигать 10,5.

Ученые считают, что экстремофилы, ряды которых пополнила Spirochaeta americana, — это древние формы жизни, которые вынесли самые страшные сюрпризы из тех, что подбросила живым существам наша планета. Астробиологов же больше всего интересует способность бактерий выживать без кислорода — ведь именно такие микроорганизмы они ожидают найти на других планетах.

СОСТОЯЛСЯ «ДОНКОН–2003»

В Ростове–на–Дону уже не в первый раз прошел «камерный» фестиваль фантастики «ДонКон-2003». По задумке организаторов, каждый год на Тихий Дон приглашается несколько писателей–фантастов, которым и оказываются максимальный почет и уважение. В нынешнем году в Ростов приехали Евгений Лукин, Святослав Логинов и Михаил Веллер. Они провели встречу с читателями в Малом зале Областной филармонии, а на следующий день прокатились на катере в Новочеркасск. Встреча с читателями отнюдь не была благотворительным мероприятием: на нее продавались билеты за 50–100 руб., что совсем немало по провинциальным меркам. Зато пришедшие в Филармонию смогли не только задать вопросы писателям, но и послушать их рассказы и бардовские песни, а также стать свидетелями вручения Лукину приза «ПирамиДон», выполненного, конечно же, в форме пирамидки. Что и говорить, такой награды у Евгения еще не было.

Фантастика в роли футуролога — флюгер, вертящийся сам по себе

Доклад, прочитанный в рамках семинара «Влияние футурологической фантастики на исторический процесс» на «КиевКОНе–2003»

Ох, неблагодарную, неблагодарную задачу я взял на себя, выходя на эту трибуну. Но надо. Не дают мне покоя некоторые вопросы, некоторые мысли. И поскольку разговор у нас о футурологии, то о достижениях и просчетах фантастики именно на этом поприще я и буду говорить. Даже хуже. Больше буду о просчетах, ибо о достижениях, надеюсь, и без меня кто–нибудь славно поведает. И не так меня волнуют достижения в предвидении времен Фрэнсиса Бэкона и даже Конан Дойла, как вопросы, касающиеся теперешнего состояния фантастики в плане прогностического опережения науки. Более того — ее сегодняшние потенциальные возможности в футурологическом плане вообще.

Конечно, мне могут возразить: постой, а как же это предсказание сегодняшней фантастики можно проверить сейчас, если она говорит о будущем, а значит, и проверится им самим — еще не наступившим грядущим?

ОБ АВТОРЕ.

Федор Березин на арене фантастики недавно, но уже громко заявил о себе как ярый технократ, приверженец жесткой НФ военизированной направленности.

Его дебютный роман «Пепел» занял 1–е место на международном фестивале «Звездный мост» в Харькове в 2001 г. в номинации «Дебют». Кроме того, роман выдвигался в 2002 г. на приз «Интерпресскона» в номинации «Дебют» и по очкам уступил только победителю Леониду Каганову. «Пепел» к тому же был единственным среди дебютных романов, попавшим в номинационный список сервера «Русская фантастика» за 2002 г.

«Пепел» уже переиздан. Наверное, не зря. Офицер–ракетчик, Федор Березин «провел» космическую войну с учетом всех технологических нюансов.

Романы Ф.Березина «Встречный катаклизм» и «Параллельный катаклизм» заняли 2–е место в номинации «Романы с продолжениями» на харьковском «Звездном мосту» в 2002 г. «Параллельный катаклизм» также был номинантом «КиевКОНа–2003». Эти романы породили достаточно интересную, долгую и оживленную дискуссию на сайте «Альтернатива», ибо в них впервые смоделирован вариант развития истории в случае проведения Отечественной войны по варианту Виктора Суворова (всем известный «Ледокол»).

Может быть, может быть... Но знаете, кое–какие просчеты могут вполне четко наблюдаться и из нашего времени. Попробуем, по крайней мере.

Однако для солидности доклада и для того, чтобы современным фантастам не было обидно, пройдемся с небольшим увеличителем по временам миновавшим. Поглядим, чем помогли, в чем поддержали под ручку глупо, не глядя прущее в таинственное будущее человечество фантасты–футурологи прошлого.

Вначале пройдемся по насиженным местам — по предсказаниям конкретных научно–технических достижений.

Коснусь периода до начала НТР. Много и часто кивают на Жюль Верна. В принципе, это основной козырь в спорах на заданную тему. Так вот, еще до классика фантастики попытки создать корабли, способные перемещаться под водой, имелись. Безусловно, они не обладали такой комфортностью и параметрами, как лодка капитана Немо, но тем не менее...

Неплохо вспомнить о том, что тот же Жюль Верн делал попытки скупить свой собственный роман после издания, поскольку не учел одной внезапно появившейся в реальном мире вещи — торпеды. Ее как раз тогда изобрели. Позже, в «Таинственном острове», он этот дефект поправил.

Если уж коснулись подводных лодок, то продолжим. Уже в тридцатых годах технологический прогноз по этому поводу делал Адамов в «Тайне двух океанов». Как и «немовская», его лодка в некоторых параметрах превосходит современные — она быстрее, глубже ныряет, комфортна, как дворец. Однако ее главное оружие — ультразвуковая пушка — смотрится из сегодняшнего дня смешно. Целых полчаса советская чудо–лодка пилит своим лучом английский линкор, а он, бедный, ничегошеньки сделать не может. Сейчас за такое время можно начать и закончить небольшую войну. А можно даже большую.

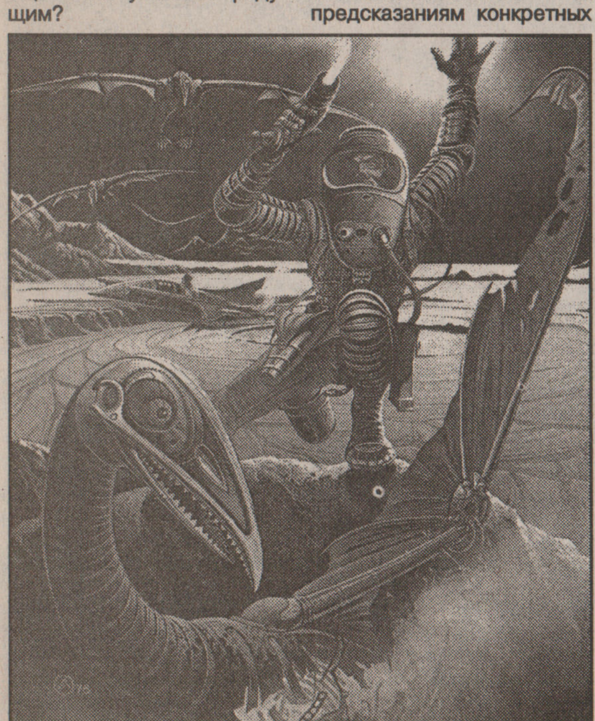
В общем, никто из фантастов не предсказал появление подводной лодки — носителя ядерных ракет, способной из любой точки океана поразить любую точку Земли, а если потребуется, единоразово стереть из истории крупное государство. Но чему удивляться?

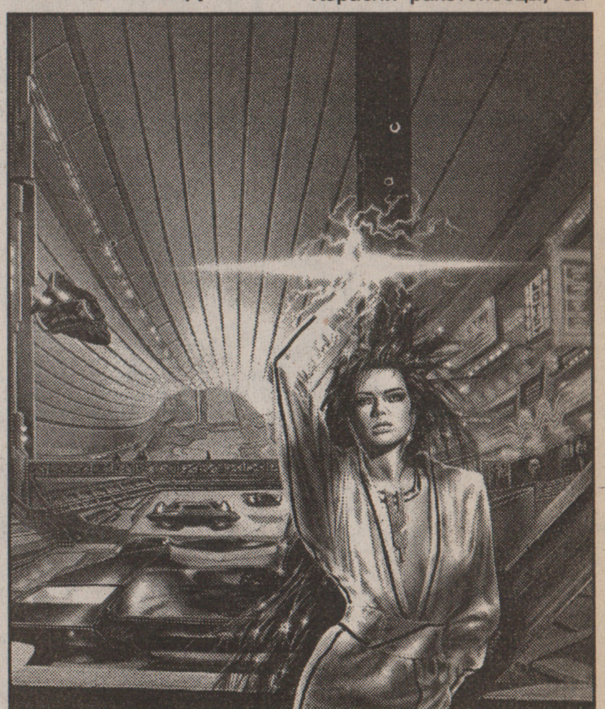
Массовое применение лодок в качестве средства ведения войны с грузопассажирскими судами — и то никто не предвидел. Скажу слово в оправдание фантастов не только они ошибаются. Часто говорят о закостенелости людей, облеченных властью. Ладно, Наполеон не поверил изобретателю невиданной машины, двигающейся по воде без парусов. Наверное, и правильно с рационалистической точки зрения. Но Гитлер, когда его собственные лодки уже вовсю топили англичан, и тот не верил, что войну на море можно выиграть таким путем. Хотя в своих маниакальных замыслах фюрер превосходил большинство фантастов.

Идем далее по военно–технической тематике.

Лазер. Известное предсказание. В качестве боевого оружия используется уже уэллсовскими марсианами. У инженера Гарина, кроме того, применяется еще и в качестве супермощной бурильной установки. Однако на сегодня до того и до другого, тем более в условиях атмосферы, еще далековато. Но кто предсказал использование лазера в качестве дальномеров, прицельных устройств, средства связи и всего прочего — словом, в тех сферах, где он реально применяется? Что–то не припомню, если бы было попадание — уже бы все уши протрубили.

Еще проколы из той же области. Применения авианосцев и их главенства на поле боя не предвидел и не описал никто из фантастов. Корабли–ракетоносцы, са-

молеты разведки, боевые вертолеты, спутники для топопривязки — то же самое.

Самая удачная попытка изобразить централизованно ведущуюся войну — это роман «Война в воздухе» Уэллса. Что и говорить, столь решительные и грамотные титаны, как Уэллс, — редкость. Обычно в фантастике работают те, кто как раз полностью и надолго желает оторваться от всякой связи с реальностью, а часто и от логики заодно. Каких же от них ждать предвидений?

Возьмем космонавтику.

Кто и где в романах предусмотрел, что вначале на орбиту Земли выйдут беспилотные спутники? Что на Луну и далее первыми доберутся автоматы? Зато программ освоения человеком Солнечной системы и звезд предостаточно, есть даже с относительно точными датами: «Космическая одиссея 2001» и т.д. Вообще, почти все фантасты 50–х сходятся на том, что к нашему теперешнему времени планетолеты станут носиться между планетами десятками. Оказывается, массовое заблуждение.

Сам космос.

По большей части предсказывалась связь с инопланетянами — а вот с этим как раз пока тяжко.

Пропущено: открытие пульсаров; квазаров; смена времен года на Плутоне; возможность в земном метеорите обнаружить следы жизни на Марсе; реликтовое излучение; сама теория Большого Взрыва. Что же касаемо тех же любимых фантастами инопланетян — никто не предсказал саму загадку Великого Молчания Космоса. То есть полный просчет по основополагающим вехам современной астрономии.

В плане политического предвидения...

Самое печальное зрелище. Причем в этом аспекте проигрывает не только современная фантастика, а литература, так сказать, всех времен и народов.

В событийном плане XX века. Никто не предсказал распада Советского Союза, причем, в историческом плане, мгновенного и, в принципе, бескровного. Были книги типа «Войны 2020–го года» Ральфа Питерса, в которой показано угасание СССР, его сворачивание в границы России и уход из Азии. Но там это происходит в результате открытой агрессии со стороны Японии и ее южно–азиатских сателлитов.

Мы не говорим о всяких «мелочах» типа распада Югославии, объединения Германии и т.д. Берем по–крупному. Гораздо ранее фантастика прошляпила грядущую Вторую мировую войну. Да, что–то писалось, типа «Пылающего острова» Казанцева. Однако, согласитесь, представленный там вариант войны принципиально отличается не то что от Второй мировой, но даже от ее отдельной части — войны Отечественной. Вроде бы имелось какое–то количество антиутопий, но в какой из них описаны заводы по массовой переработке людей в материалы? Пока гитлеровские лагеря смерти не открыли ворота перед союзниками — мир о таком ведать не ведал. А где в фантастике представлена такая частность, как режим Пол Пота в Кампучии, сумевший истребить четыре миллиона человек в основном с помощью мотыг, — и это уже не в 30–40–е, а в 70–е годы?

Однако были, были все–таки у фантастики удачи. (По классику Уэллсу можно еще немного пройтись?) Величайшее попадание, почти в десятку, это — описание атомной войны в «Освобожденном мире». Здесь даже длительные последствия для местности, в коей применено оружие, предусмотрены, пусть и названы по–другому: вместо долговременного заражения — многолетний непрерывный взрыв со смещением эпицентра. Вроде смешно смотрится то, что летчик перед сбросом бомбы с аэроплана должен зубами надкусывать клапан — но вспомним бомбардировку Хиросимы: в конечную стадию готовности бомба «Малыш» приводилась на борту самолета, уже после взлета Б–29.

А в уже упоминавшейся «Войне в воздухе», написанной в 1904 году, ясно показано, что против авиации любой мощный флот бессилен. Понятно, что там дирижабли, а не СУ–27, но не забудем, что братья Райт взлетели менее чем за два года до этого.

Зато не появилось упомянутых у Уэллса гироскопических автомобилей о двух колесах и еще много–много чего. Да и в «Когда спящий проснется» он не мог предвидеть не то что достижений, а даже темпа прогресса, по крайней мере, в его сегодняшнем виде.

Итого?

Попаданий в десятку, кроме свифтовского «Гулливера» с двумя марсианскими спутниками, вроде бы не наблюдается. (Кстати, и здесь явно чистое угадывание, ради прикола, в стремлении уязвить ученых, занятых, по мнению Свифта, абсолютно ненужными делами. Но — попал.) Однако в основном все предсказания на чем–то базируются. Все–таки вначале братья Райт, а уже потом «Война в воздухе» (не символично ли, что главные герои Уэллса держат велосипедную мастерскую, как и Райты, только уже в эпоху полетов?).

Все–таки экспериментальные ракеты, пусть и летающие на десять метров — а уже потом реактивные маневры около Венеры. Все же вначале обнаружение астероидов — а уже потом предположения о разрушенной атомными бомбами планете Фаэтон. И вначале исследование Тунгусского метеорита и реальный атомный взрыв — а потом предположение о космическом корабле пришельцев и увязывание его с Тунгусским чудом.

Но ведь, в принципе, так и должно быть. Ведь не лицезрит же фантаст будущее на самом деле? Он ведь просто ловит тенденцию, а там уж, сознательно либо бессознательно, интуитивно или руководствуясь отточенной логикой, скользит по дереву вариантов. Его главное оружие, конечно, не точное знание — такового касательно будущего в арсенале не имеется ни у кого.

Главное его преимущество — колоссально развитое воображение. Но...

Как видим, наилучшие результаты в плане футурологии давало не скачущее, как мустанг, воображение, а хорошо взнузданный скакун, с седоком логики на хребте, да еще и достаточно объезженный и нагруженный хорошим багажом знаний. Ведь только зная тот рубеж, на котором замерла покуда в нерешительности наука, можно шагнуть дальше, а то ведь так и будешь вечно изобретать велосипеды.

Федор БЕРЕЗИН, писатель–фантаст, г.Донецк

(Продолжение следует)

ХОЛОДИЛЬНИК ПОКАЗЫВАЕТ СВОЕ СОДЕРЖИМОЕ ПО ТЕЛЕФОНУ

Шведская компания «Electrolux», подключившая холодильник к Интернету, пошла еще дальше: теперь благодаря веб–камере внутри морозильного агрегата владельцы могут обозревать свои охлаждающиеся запасы, находясь, к примеру, в магазине.

Новинка, получившая название «Food Manager System», в настоящее время находится в стадии опытного образца и проходит испытания. На рынке система появится через несколько месяцев. Каждый раз, когда хозяин закрывает дверцу холодильника, система делает несколько фотографий содержимого рефрижератора. Таким образом можно по мере необходимости получить представление о содержимом холодильника прямо на свой мобильник.

В «Electrolux» считают, что новый сервис будет пользоваться популярностью у людей, делающих покупки. С другой стороны, шведы отдают себе отчет, что в холодильнике, набитом под завязку, будет трудно что–либо рассмотреть, но говорят, что «Food Manager System» — это лучше, чем ничего.

ОТВЕТЫ НА ВЕНГЕРСКИЙ КРОССВОРД «НАЙДИ ПИСАТЕЛЯ», опубликованный в №9(120) за 2003 г.

1. Хайнлайн.
2. Саймак.
3. Энтони.
4. Гудкайнд.
5. Симмонс.
6. Желязны.
7. Асприн.
8. Брэдбери.
9. Кларк.
10. Кард.
11. Уэллс.
12. Толкин.
13. Стивенсон (Нил).

К сожалению, нами была допущена ошибка, из–за которой вам было трудно решить, чью же книгу читает составительница кроссворда Марина Лес — Френка Герберта или Харуки Мураками. Однако мы рады, что это не помешало многим читателям прислать верные ответы!

Победителем нынешнего мини–конкурса стал Виталий Слюсарь из Запорожья (вот где живут настоящие знатоки фантастики!). Ему будет выслан приз — книга Стивена Кинга «Почти как бьюик».

Желаем вам успехов в следующих конкурсах!

Лебединые ворота

Все, чем стал я на этой земле знаменит, —
Темень губ твоих, горестно сжатых...
А. Городницкий

...ничего ровным счетом не помнил. Хотя откуда-то многое знал. Очнувшись посреди пустоши, интуитивно понял: надо искать ночлег, скоро это зеленое солнце опустится вниз и хрен-ее-разберет-какая живность-нечисть выйдет на свою сумеречную охоту.

А очнулся очень странно: на плече — сумка, в сумке — буханка хлеба и фляжка с водой, в кулаке — записка: «ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ, КОГДА УВИДИШЬ НА ПРУДУ ЧЕРНЫХ ЛЕБЕДЕЙ». Он сохранил записку, хотя потом еще хлеб был не до нее.

Хлеб кончился на второй день, вода — на третий. По вечерам человек забивался под корни полувывороченных ветром редких деревьев и спал там урывками, вздрагивая от топота, уханья, хохота наполненной чем-то живым темноты. Он не знал зверей, которые издавали такие звуки. Когда услышал вой — в памяти возникло слово «волк». Хотя вой не был похож на волчий, зверь отчетливо нарисовался в воображении: большая, серая с проседью, величавая собака с пышной гривой...

На пятый день, изнемогая от голода, жажды и усталости, путник достиг леса.

В лесу ему встретились маленькие люди — полугномы-полуобезьянки. Сначала испугались — когда непривычного вида переросток, споткнувшись, рухнул в пышный кустарник, — потом начали жалеть: принесли какой-то травяной отвар, который смыл тяжкую муть с мозгов и добавил сил. Человек поднялся... «Осторожнее!» — пронеслось в голове; маленькие люди отпрянули, а в памяти всплыло слово «телепатия».

Вокруг поселка царила тишь — бурные, беспощадные проявления дикой жизни остались в степи. Здесь только птицы самых разных видов и мастей сновали по деревьям, да еще пестрые лягушки с кошачьими мордами закатывали по утрам полифонические концерты.

Человек не стал плести себе хижину на ветвях, как это делали местные, — откуда-то вспомнилось, что дом должен выглядеть иначе... Сначала ночевал в шалаше из сухостоя, а к концу года построил жилище из бревен — обтесал их плавником рыбы, похожей на безногого варана. Такими плавниками местные резали белые камни, из которых складывали хранилища для продуктов на зиму. В поселке было принято питаться фруктами, семенами,

травой — и человек научился есть то же самое, хотя в памяти мелькало слово «хищник».

У маленьких людей были смысловые имена, и он придумал себе такое же: Эстраньо*.

...К концу года ему начали сниться тяжелые сны. Люди, знакомые и незнакомые, один за другим выходили из-за черного занавеса памяти. «...не место в нашем обществе, — вещал голос откуда-то сверху и со всех сторон, — он должен исчезнуть...» Просыпаясь, Эстраньо осознавал, что услышанное относится к нему. Накатывала боль потери... но никак не удавалось вспомнить, в чем же провинился.

Одно ясно — здесь он чужой. То, что оставил, болит внутри. Вернуться туда, откуда прогнали, и — понять, может — искупить, может... «ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ, КОГДА УВИДИШЬ НА ПРУДУ ЧЕРНЫХ ЛЕБЕДЕЙ».

Эстраньо хотел выяснить у местных, что такое «лебеди», но столкнулся с неразрешимой проблемой: телепатия не транслировала бессмысленные сочетания букв, только образы и понятия. Засыпая, просил собственную память: «Покажи мне лебедя». Вместо этого приходило другое. Красивая женщина плакала: «Он не дает мне жить! Он превратил меня в куклу, а сам — что хочет, то и творит!» — «Уйди от него, — просил Эстраньо. — Уйди — и я сделаю тебя счастливой...»

Так продолжалось несколько ночей подряд. «Ты не понимаешь, — женщина вытирала платочком поплывшую косметику. — Он — зверь. Он убьет меня. И тебя — тоже». — «Это я его убью», — отвечал Эстраньо, сжимая кулаки... Он и женщина шли по набережной Яузы, а по воде плыли какие-то птицы, но — не лебеди...

Эстраньо (исп.) — пришлый, чужой.

Эстраньо набрал на берегу пруда розовой глины, вымазал стену своего жилища. Взял плавник рыбы, похожей на варана, и решил: «Пусть руки помогут вспомнить».

Сначала он нарисовал уток — птиц, которые плавали по Яузе, — и выкрасил их золой в черный цвет. Удлинил уткам хвосты и клювы, менял форму тел и крыльев, но лебеди не получались. Эстраньо устал от безнадежного поиска, рассердился и разочаровался. Наконец, издеваясь над самим собой, изуродовал картинку: приделал птицам длинные изогнутые шеи... и понял: это и есть лебеди.

Обрадованный открытием, Эстраньо побежал к своим маленьким друзьям, но его опять ждало разочарование: в этом мире не водились лебеди. Только утки, но это ж совсем не то... Целый год человек ждал чуда, но чудо не прилетело.

Тогда он решил: вожделенное знамение нужно создать самому. Вырезал лебедей из дерева, обклеил утиным пухом и покрасил соком черных ягод, похожих на землянику.

Птицы получились как живые. Два почти живых лебедя плавали на пруду, но никто не приходил, чтобы забрать Эстраньо домой...

Еще многое изгнанник отвоевал у своей строптивой памяти за это время. Вспомнил, что когда-то учился в университете, вспомнил, что такое биология...

Десять лет ушло на то, чтобы вывести породу черных уток с длинными изогнутыми шеями. Получилось очень похоже, но это были все-таки не лебеди, а просто черные утки с длинными изогнутыми шеями. Они не годились для знамения.

Под руководством маленьких людей Эстраньо занялся магией. Не спал неделями, ел только то, что разрешали, часами бегал по степным холмам и лазил по деревьям, концентрировался и расслаблялся. Он научился зажигать огонь усилием мысли. Он научился управлять снами. Он научился левитировать и заговаривать болезни, видеть в темноте — и слышать голос вселенной... и только тогда понял: можно изменить видимость, но нельзя изменить суть. Две деревянные чушки, которые плавали в пруду, выглядели совсем как лебеди — но оставались деревянными чушками.

«Столько лет прошло, — думал Эстраньо. — Все уже давно забыли. За мной никогда никто не придет...»

Засыпая, сосредоточился на вопросе: «Попаду ли я домой?» Техника отказала: снилось что-то очень тяжелое, больное, но он не запомнил, что именно... а проснулся от свиста. Звук доносился издалека, с пустоши, высокой нотой прорываясь сквозь бархатные лягушачьи трели.

...Эстраньо бежал по степи сквозь мягкий утренний ветер. Казалось: понимание, а вместе с ним и свобода вот-вот придут, лишь только схлынет ночной морок...

...На холме, греясь в лучах зеленого солнышка, сидел крупный рак. Он-то и свистел. «ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ, КОГДА РАК НА ГОРЕ СВИСТНЕТ!»

В этом мире были реальностью свистящие на горе раки — зато не существовало черных лебедей на пруду... «Так надо мной просто посмеялись!»

... На картинке, которую Эстраньо нарисовал когда-то на стене, две сильные птицы сцепились клювами, образуя ворота — символ возвращения. Много лет художник молился на это свое творение как на икону. «Так пусть и уход тоже будет символичным».

Эстраньо нашел свое рукотворное чудо — лебедей из дерева и пуха. Повинуясь воле мага, две почти живые птицы заскользили по темной воде и, встретившись посередине пруда, сцепились клювами...

Нежное зеленое солнце, пушистые розовые деревья в белых цветах, утки-лебеди, кошки-лягушки... «Спасибо за приют», — прошептал Эстраньо. «Прощайте», — отправил он мысленное послание просыпающимся маленьким людям. Вошел в пруд, проплыл сквозь лебединые ворота, резко опустился под воду и вдохнул...

Последнее, что он услышал: «Помогите! Человек тонет!..»

... А когда открыл глаза — увидел небо нелепого синего цвета и засиженный голубями каменный парапет Яузы.

...Эта женщина стала толстой, и вечно плывущая косметика уже не скрывала ни мешков под глазами, ни морщин. Только суть осталась неизменной — женщина по-прежнему жаловалась и рыдала.

— Ты не представляешь, какая это сволочь! Я живу в клетке, я для него — предмет мебели, — он что хочет, то и творит!

— Этот — тоже сволочь... ясно. Так уйди от него, — посоветовал Эстраньо.

— Ты не понимаешь! Он убьет меня! И тебя — тоже!

— Меня, между прочим, давно уже нет. Казнен за умышленное убийство. В соответствии с гуманистическими идеалами нашего общества.

— Но ты же вернулся!

— Это только кажется.

— Володя, не уходи!

— Володя давно ушел. Я — Эстраньо. Чужак.

— Но ты... вернешься?..

Отчаянный крик повис в тяжелом сероватом воздухе. Эстраньо замешкался — на секунду — и бросил через плечо:

— Чудес не бывает. Это только в Москве не проблема — увидеть черных лебедей на пруду.

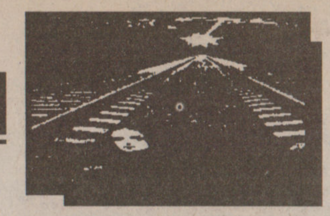
«Здравствуй, Эстраньо», — прошептал ветер пустоши.

«Здравствуй, Эстраньо», — просвистел рак на холме.

«Здравствуй, Эстраньо!» — обрадовались маленькие люди.

«Я — не Эстраньо. Я — свой...»

Ирина БЕЛОЯР

Чертополох

Это был один из лучших дней, больше у них таких не было. Небо с самого рассвета затягивали облака, и на пробивающееся сквозь пухлую сизую дымку солнце было не больно смотреть. Полина сидела на траве, подогнув ноги, а на ее коленях лежал пучок цветущего чертополоха. Она любила чертополох — чудачка. Он казался ей нетривиальным.

— Мне иногда такие дурацкие сны снятся, — сказала она и сорвала травинку.

Кажется, она немножко нервничала. Максим знал, что у нее сейчас опасные дни, а презервативам она не очень доверяет. Однажды ей уже пришлось сделать аборт по вине то ли китайского производителя, то ли чересчур ретивого партнера. Она неохотно об этом вспоминала, да Максим и не особо расспрашивал. Его не интересовало ее прошлое. Его интересовало их будущее.

— Да? — с искренним интересом переспросил он и, приподнявшись на локте, взглянул в Полинино темное лицо.

Серебристый ореол солнечных лучей вокруг головы делал ее смуглую кожу еще темнее. Она подняла на него гигантские глаза — почти не в меру гигантские, почти некрасивые — у-у, стерва глазастая, думали те, кто ее не любил, а их было много. В полусвете-полумраке сверкнули белки.

— Ну вот сегодня бред такой приснился, ужас, — тревожно сказала она и поежилась. Зябко так, неуверенно — повела худыми плечиками, словно стряхивая песок. Потом сунула травинку в рот и принялась сосредоточенно жевать.

— Ты рассказывай давай, — усмехнулся Максим, легонько толкнув ее под локоть. Она стрельнула в него глазищами — сердито и все еще немного ошарашенно. — Рассказывай, я же вижу, что ты хочешь.

— Ладно, — сказала Полина и замолчала.

Максим взял стебелек чертополоха с ее голого колена, хищно откусил головку, выплюнул, скривившись.

— Я тебе снился, точно? — вкрадчиво поинтересовался он.

— М-м, — мотнула головой Полина. — Что я умерла... снилось.

Максим сел, скрестил ноги по-турецки. Поднял голову, посмотрел прищурившись на солнце. Взял еще один стебелек. Повертел в пальцах. Положил обратно.

— Опять?

— Ага, — как-то вдруг сразу беспечно заговорила Полина. — Стояла на краю балкона... на самом-самом краешке. И пьяная была — чувствую, что пьяная, хотя во сне поди разбери. А потом полезла на перила. Ты кричишь: «Полинка, стой, ты что, сдурела?!» — а я лезу и все.

— Я там был? — переспросил Максим.

Она склонила коротко стриженную голову на бок, словно раздумывая. Потом хмыкнула, улыбнулась, кивнула.

— Вроде да. Я тебя не видела, правда. Только крик твой слышала.

— Ну, а дальше что?

— А дальше залезаю на перила и падаю вниз, медленно так. Рукой схватилась за поручень и тут же отпустила. И уже вроде не пьяная, а поздно. Макс, кричу, Макс! Ты подбегаешь... то есть я думаю так: ты подбегаешь, а я уже падаю. Руки над головой, точно ласточкой в бассейн прыгать собралась, и — падаю...

— Солдатиком, — машинально подсказал Максим.

— Не-а... Солдатиком — это когда руки по швам. И лечу вниз, долго-долго так лечу... вниз... мимо балконов, мимо окон. А дом и мой — и не мой вроде. То есть некоторых я узнала. Леночка с пятого этажа уроки за столом делает, сидит неправильно, ссутулившись; Гришка с четвертого опять в одиночку надирается, но не самогон у него почему-то, а «Smirnoff»...

— И как это ты все запомнила, — недоверчиво перебил Максим; ему то ли смешно было, то ли нет, он сам не мог понять.

— Ну сон ведь! — засмеялась Полина и, схватив стебелек чертополоха, смяла узловатую головку цветка в ладони. — Вот, а на третьем этаже люди какие-то незнакомые просто сидят молча, не знаю, кто такие. На втором дворничиха Галина Васильевна трахается с каким-то противным толстым типом, на ее мужа совсем не похожим. А на первом...

Она запнулась, опустила голову. Максим пытливо взглянул в ее маленькое лицо, протянул руку, коснулся ладонью щеки. Полина закрыла глаза. Головы не подняла. Руки лежали на разбросанном чертополохе. Максим заметил, что растрепанные блекло-сиреневые шапочки цветков уже начали мокнуть и вять. А еще увидел желтое пятнышко пыльцы на ногте ее мизинца.

— На первом что, Полина? — тихо спросил он.

Она вздохнула, быстро, прерывисто, но головы не подняла. Максим чувствовал легкое движение ее кожи под своей ладонью, когда она ответила.

— А на первом нет никого. Пусто.

Помолчали немного. Потом она сказала:

— Ну вот, и врезаюсь я ногами в землю. Дальше вниз, ступни уходят в бетон и все. И я умерла.

— И проснулась?

— Да нет, — она скинула его руку, подняла рассерженные глазищи. — Не проснулась. Умерла.

Максим молча смотрел на нее. Она слабо улыбнулась, потом шире, потом хихикнула, легонько шлепнула его по тыльной стороне ладони.

— Ну и проснулась, конечно, — бросила она. — Потом уже.

— А, — сказал Максим. Ему хотелось снова заняться с ней любовью. Полутень делала ее лицо почти красивым.

— Да, дела, — сказала Полина и повернулась к нему. Встревоженная все еще? Да нет, кажется, полегчало. Рассказала — и полегчало, все как всегда.

А часто ей сны эти снятся. То машина ее собьет, то отравится чем-то, то СПИДом заболеет, то маньяк зарежет... А однажды рассказала, как Максим ее собственноручно в окно выбросил. В порыве ревности. Как Отелло свою Дездемону, сказала, и засмеялась — ломко, неправильно, не по-настоящему. Сегодня вот — сама сиганула. А впрочем, глупости. Глупости и все. Ему тоже много чего снится... иногда. Только ведь он ей никогда об этих снах не рассказывает. Чтобы не пугать.

Максим поднял голову, увидел, что Полина смотрит на него, придвинулся, положил руки ей на колени. Стебельки под его ладонями были сухими и колючими.

— Я тебя люблю, — сказал он.

— Ага, — тонко улыбнулась она в ответ и потрепала его по волосам.

Максиму захотелось зарыться лицом в ее колени. Или не так: сначала поцеловать ее, а потом положить затылок на чертополох и рассматривать небо. И облака. И собак, которыми они порой кажутся. Интересно, им тоже снится, что они умирают?.. Иногда?.. И что это значит для облаков?

— Максим.

— А?

— Как ты думаешь, я живая?

Он улыбнулся, взял в ладони утреннюю дымку и поцеловал воздух перед своим лицом. А потом лег на спину, положив голову на рассыпанный по сырой траве чертополох, и стал смотреть на облака.

Юлия ОСТАПЕНКО,
г.Львов

РОБОТ ИГРАЕТ В ХОККЕЙ!

Профессор из университета Британской Колумбии Андрэ Мэрзиали придумал новую обучающую игру для своих студентов: они должны построить играющих в хоккей роботов и, если повезет, выиграть матч.

Игра проходит на «катке» 4,8х 5,4 метра, а сами роботы довольно маленькие — 76х45 см максимум. У «хоккеистов» нет ни рук, ни ног, и шайбу они находят благодаря механике, электронике и компьютерным системам. По правилам профессора, роботы должны действовать автономно, никакого дистанционного управления.

Мэрзиали заставляет студентов строить роботов уже третий год. Ранее механические спортсмены играли в теннис и волейбол, теперь пришел черед хоккея, а профессор говорит, что год от года роботы у учащихся получаются все лучше и лучше.

...И ЖИВОТНОВОДСТВО!

В августе рынок фантастических изданий обогатился еще одним журналом — московский компьютерно-игровой журнал «Игромания» выпустил приложение «Мир фантастики». Несомненно, поклонников жанра порадует увеличения количества периодики, посвященной любимым книгам, фильмам и — вы сомневались? — компьютерным и настольным играм. Однако качество нового журнала энтузиазма, пожалуй, не вызовет. Создается впечатление, что «игроманы» взяли не поместившиеся в основной журнал статьи, дополнили их несколькими рассказами, аннотациями книг и фильмов (не всегда новых), интервью с писателями-фантастами (в первом номере помещена беседа с Г.Д.Олди) — а для объема вставили материалы, непонятно как к фантастике относящиеся. То есть обоснование необходимости просвещения широких фэнских масс в деле одомашнивания животных журналисты «Мира фантастики» придумали. Но желание воскликнуть «...и животноводство!» от этого не уменьшается.

Роман КАРАКОЗ

ПАПА ИНДИАНЫ ДЖОНСА

Шон Коннери заявил о своей готовности еще раз сыграть мистера Джонса-старшего, отца харизматичного расхитителя археологических артефактов Индианы Джонса. «Конечно, мне интересна эта работа. У меня сохранились очень хорошие воспоминания о предыдущем фильме», — сказал актер.

По сведениям Коннери, участие в проекте Стивена Спилберга остается под вопросом. Актер ссылается на информацию, полученную из офиса самого режиссера. Джордж Лукас также намерен принять участие в создании фильма, вероятнее всего, в качестве продюсера. Выход фильма намечен на середину лета 2005 года.

Агонизирующий мир

Я озадаченно смотрел на монитор. Данные светящимися муравьями сыпались на экран, обгоняя и поглощая друг друга.

— И что бы это могло означать? — повернулся я к Кельвину.

— Понятия не имею, — не отрываясь от расчетов, пробубнил напарник. — Странно.

— Блестяще! — заметил я. — Нас с чертовой силой что-то долбануло, а ты даже не знаешь, что бы это могло быть. Кто здесь, черт меня подери, физик?

— Я, — все так же монотонно проговорил Кельвин.

— Тогда поясни!

— Еще раз говорю — не знаю. Есть предположение, что мы попали в ударный волновой поток.

— Куда? — переспросил я.

— Взаимодействие оболочки сверхновой и межзвездного газа. В результате — ударная волна. Хотя, будь это так, нас, скорее всего, уже изжарило бы. Минимум — десять в тридцать пятой степени эрг в секунду.

— Н-да... Пояснил. — восхитился я. — А попроще?

— Проще некуда, — возразил Кельвин.

— Хорошо, — успокоился я. — Пусть будет так.

— Пусть, — согласился напарник. — Хотя, вероятно, мой вывод не верен. Слишком много «но». На расстоянии двадцати световых лет нет ни одной сверхновой. Более того...

— Перестань! — взорвался я.

— Просто отвечаю на твой вопрос, — заметил Кельвин.

— Отключу, — я, как всегда, пошел на крайнюю меру — начал запугивать несчастного андроида.

Робот насупился. Замолчал.

Я еще немного поковырялся в завале данных, не понимая ровным счетом ничего. Затем попросил Кельвина активизировать систему опознавания повреждений.

— Повреждения — значительные. Критические неполадки в системе охлаждения реактора, — сообщил робот. — И это еще не самое страшное.

— Забудь, — быстро остановил я Кельвина. Выслушивать полный отчет о том, как все хреново, мне быстро расхотелось.

— Как знаешь. — Андроид пожал плечами.

— Сверься с показаниями навигационных приборов. Посмотри — можно ли на какой-нибудь планете высадиться? — осторожно спросил я.

— Проверяю, — ответствовал Кельвин.

Очень важный вопрос. После того, как меня сослали с Земли, выяснилось, что аж в двухстах приближенных к нашей системах я объявлен вне закона. Разрешения на посадку мне никто ни при каких условиях не даст. Креативный нонконформизм почему-то признается чудовищно опасной ересью. Куда более опасной, нежели преднамеренный саботаж. Идиотские земные законы.

— Забавно, — прервал ход моих мыслей андроид.

— Что забавно? — спросил я.

— Не могу определить, в какой системе мы находимся. — Кельвин углубился в расчеты.

Я с нетерпением ждал.

— Проблема такова, — начал андроид, — что-то, предположительно, энергия взрыва, придало челноку чудовищное ускорение. В результате мы набрали скорость, тысячекратно превосходящую максимальную...

— Что? — я поперхнулся. — Ты хоть понимаешь, что говоришь? Это же невозможно...

— Кто из нас физик? — передразнил меня Кельвин.

— Молчу, — усилием воли заставил себя успокоиться. — Продолжай.

— Система нормализации перегрузок сработала, видимо, в последний раз, — усмехнулся андроид. — Обшивка же оказалась не готовой к подобным испытаниям. Не выдержала трения. Обгорела. Хотя, судя по всему, от излучения продолжает защищать...

Я нетерпеливо кашлянул.

— С означенной скоростью мы двигались на протяжении двух с четвертью часов. Потом автомат постепенно начал задействовать тормозящий механизм. Это приблизительно тридцать шесть с половиной часов движения с отрицательным ускорением. Итого, если отбросить погрешность...

И снова я не выдержал.

— Перестань! Ответь мне на единственный вопрос — можно ли высадиться на какой-нибудь из планет из этой системы?

— Можно, — безмятежно отозвался Кельвин. — Мы не просто покинули Зону Конфедерации, не просто забрались в неисследованные глубины, но вообще вышли за пределы периметра, нанесенного на навигационные звездные карты.

— Вот это да! — прошептал я. — Целая система, в которой никогда не слышали о Конфедерации. Целый мир, открытый для отверженного художника. Здесь я смогу творить без оглядки на законы... Великолепно! Кельвин, немедленно активизируй системный анализатор.

Минуты тянулись бесконечно долго. Наконец анализатор пискнул и высыпал на экран целую кипу данных. Спустя несколько секунд андроид сообщил:

— Поздравляю. Нормализованная двузвездная система. Шесть планет с постоянными орбитами. Из них две — земного типа.

Я ликовал. Наконец-то! Я свободен! Свободен творить!

— На которой выше вероятность разумной жизни?

— Думаю, на второй. Судя по всему, орбита первой нормализовалась не так давно. Несколько десятков миллионов лет. За столь короткий срок вряд ли возможно полноценное зарождение жизни.

— Хорошо. Тогда запрограммируй курс на вторую планету.

— Не получится.

— Почему? — удивился я.

— Слишком сильные повреждения реактора. Возможно, до первой дотянуть удастся. До второй — точно нет.

— Так почини!

— Невозможно. Критическое нарушение в функционировании системы охлаждения. Хвостовая часть попала в зону высоких температур. Казус. Невероятно. Невозможно. Но, тем не менее, жидкость просочилась через потерявший герметичность корпус. И... — Кельвин пришел в замешательство. — Исчезла.

— Как исчезла? — не понял я.

— Не знаю. — Андроид выглядел удивленным.

— Черт! Не могла же она испариться?

— Не могла. Но, тем не менее, исчезла. Реактор работает без системы охлаждения. Каждую минуту вероятность взрыва увеличивается на пять сотых процента. Произвести необходимые ремонтные работы в условиях открытого космоса я не могу.

— Пусть так. Попытаемся сесть на первой планете.

Следующие часы прошли в тревожном ожидании катастрофы. Челнок медленно приближался к неизвестной планете. На стандартные посадочные запросы, как ожидалось, ответа не пришло.

Несмотря на то, что Кельвин оценил вероятность взрыва при входе в атмосферу в 15 процентов, посадка прошла успешно.

Анализатор среды сообщил, что компонентарно воздух близок к земному. Тем не менее защитный скафандр все-таки пришлось надеть, ибо корабль наш напоминал огромный кусок радиоактивного шлака. Счетчик Гейгера зашкаливал.

Кельвин взялся за починку реактора, я же решил отправиться побродить по бескрайним просторам. Некоторое время ушло на подстройку систем скафандра к более низкой, по сравнению с земной, гравитации. Затем, с трудом открыв пострадавший от высоких температур люк, выбрался из челнока.

Картина, мне представшая, поражала воображение. Гипотеза об отсутствии здесь разумной жизни немедленно была отвергнута. Всюду, куда хватало взгляда, красовались дивные конструкции явно искусственного происхождения. Небольшие лачуги, сделанные из материала, чем-то напоминавшего земной тростник, чередовались с огромными металлическими зданиями.

Я вызвал по рации Кельвина. Сообщил ему об открытии. Андроид прореагировал абсолютно спокойно. Порекомендовал активизировать пару протекторов. И взять лучемет.

Роботов включать я не стал, но оружие взял. Как выяснилось — абсолютно напрасно. Существа, населявшие планету, оказались чрезвычайно добродушными. Абсолютно неагрессивными.

Биолог из меня никудышный, но, тем не менее, отметить гуманоидные признаки я смог. Разумность существ подтверждалась системой звуковых сигналов, которые использовались в качестве речи. К сожалению, разобраться с ними транслятор так и не смог.

Контакт прошел на редкость спокойно. За исключением того, что ни я, ни они так и не смогли понять, чего же друг от друга добиваемся.

Когда наконец Кельвин сообщил, что реактор исправен, в голове у меня уже созрела мысль. Планета настолько пришлась по вкусу вашему покорному слуге, что он решил запечатлеть ее на своей первой, дебютной картине.

Пробираясь сквозь заросли дивных растений, я передавал андроиду указания:

— Да. Подготовь корабль ко взлету. Надо будет установить две МТ-15. Я решил нарисовать Картину. Думаю, планета того стоит...

Выйдя на орбиту, я приказал Кельвину включить тормозную систему. Затем достал мольберт и приготовился творить...

— Давай!

Андроид отстучал на клавиатуре серию команд. Проверил готовность МТ-15. Потом активизировал.

Я прикрыл глаза и отвернулся от экрана, чтобы чудовищная вспышка не лишила меня зрения. Затем обернулся и быстро-быстро заработал кистью.

Спустя полчаса моя первая картина была готова. Разваливающаяся на части планета, пространство, сворачивающееся в пламенную спираль... Думаю, пейзаж получился достойным.

На секунду взглянул на экран. На месте зеленого шарика, с которого не так давно отчалил наш корабль, уже простиралась пустота. Лишь несколько небольших обломков, подстраиваясь друг под друга, продолжали беспорядочно кружиться.

Повесив картину на самое видное место, прямо напротив моего кресла, обернулся к Кельвину.

— Ну как? — осторожно спросил я.

— Кажется, чего-то не хватает, — неуверенно ответил андроид.

— Ну конечно! — хлопнул я себя ладонью по лбу. Затем взял остро заточенный карандаш и мелкими буквами вывел под рисунком «Агонизирующий мир».

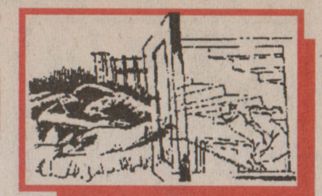
— Думаю, мои коллеги-креативисты лопнули бы от зависти.

— Лопнули бы, — все так же неуверенно подтвердил Кельвин.

— Вот и замечательно. А теперь — налей мне чашечку кофе и рассчитай оптимальный курс до второй планеты. Новые шедевры дожидаются своего часа. — И откинувшись на спинку мягкого кресла, погрузившись в мечты о будущих своих произведениях искусства, я мирно задремал.

Кельвин, бросив неодобрительный взгляд на картину, тихонько подкрался к холсту, взял кисточку и добавил немного изумрудных переливов там, где была изображена трещина, разваливающая шарик пополам. Затем, удовлетворенно хмыкнув, принялся готовить кофе...

Дмитрий ЛОПУХОВ

№10(121)
2003 год

Я ненавижу песок.

Песок подл. Видя землю, воспринимаешь ее как твердую и надежную поверхность — но это песок. Он расступается, брызгами рассыпается из–под ног, и ты падаешь... и тогда он начинает вести себя, как камень.

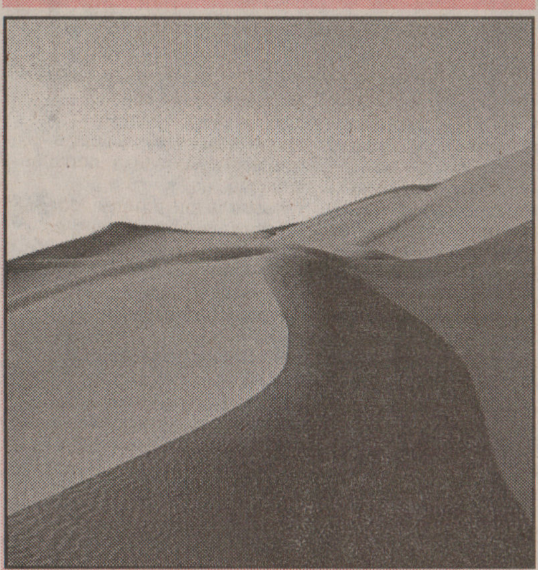
Песок сыпуч. Яма, вырытая в нем, приобретает вид воронки с пологими стенками, окоп больше похож на цветочный горшок, а траншея — на древнюю полузасыпанную канаву. Может, по ней когда–то текла вода, может — кровь.

Песок всеяден. Воду и кровь он всасывает одинаково хорошо, чуть труднее — мелкие тяжелые предметы, еще чуть труднее — людей... Только мусор — фольгу, полиэтилен и бумагу — песок не принимает, брезгливо отбрасывая, — и яркие разноцветные обертки неприкаянно носятся над песком, словно чайки над морем, садятся, отдохнут немного — и снова в путь, без начала и без конца.

Песок богат. Несметные сокровища пожраны и накоплены им с незапамятных времен, когда человек еще делал первые шаги; и когда не было еще человека, и тупые злобные твари правили миром, а на земле росли сосны и плакали прозрачной смолой; и когда не было еще тварей, и только сине–зеленые водоросли, жалкое подобие жизни, беспомощно барахтались в океане, выбрасывались на песчаные берега и умирали... Песок съел водоросли и сделал из них нефть; съел смолу, и сделал из нее янтарь, а из него — тоже песок; съел тварей, и сделал из них камень, а из камня — тоже песок; съест человека — и сделает из него... что? — скорее всего, тоже песок.

Песок скуп. Даже если пробить его шкуру, прошить ее скважиной, присосаться, подобно комару, к нефтяной артерии — песок шевельнется, и нефть иссякнет, скважина умрет, а потом пройдет еще десять лет — и от вышки останется жалкий металлический пень, бурый от ржавчины.

Песок

Песок ест и металл.

Песок коварен. Когда его роешь, он под-дается и расступается с тихим шелестом, словно говорит — я помогу тебе, я легкий, я на твоей стороне... но стоит нагнуться, и стена окопа всей тяжестью обрушивается на голову, бьет в спину, гнет книзу, и шуршит уже откровенно злорадно — что, попался? теперь не уйдешь, теперь ты мой...

Песок — предатель. Рубчатые следы гусениц сохраняются не часы, а сутки и месяцы! Даже если спрятаться от всевидящих космических глаз, если двигаться по ночам, укрывать технику теплопоглощающими чехлами и поливать водой — утром песок обязательно скажет врагам: «Привет! А знаете, куда они поехали? Вот сюда!»

Песок — враг. Разозлившись, он вздымается в воздух и забивается в глаза, в нос, рот, затворы, стволы, воздухозаборники, подшипники и выхлопные трубы. Человек слепнет и задыхается, оружие отказывается стрелять, и даже танки сначала удрученно поскрипывают, затем глохнут и умирают.

И только вражеские стервятники реют над серо–желтыми облаками в ожидании мига, когда песку надоест и он осядет, уляжется, устроится поудобней, чтобы насладиться как следует зрелищем.

Я ненавижу песок!

А он, судя по всему, — меня.

Но песок — трус. Если его напугать как следует — он становится смирным и послушным, как битая собака. Песок жаден — и если ему принести жертву, он выполнит все, что от него потребуется. Все дело в размерах жертвы, как мне объяснили...

Если ему дать немного жира — консервная банка пролежит в нем несколько лет. Масло и тряпка — и патроны проживут в нем десятилетия. Чуть больше тряпок и солидол — и автомат пролежит век. Брезент, солидол и специальный консервирующий состав в двигатель — и танк, рыкнув из–под земли мотором, выберется на поверхность после трехсотлетней спячки. Если угостить песок человеческой плотью, то спустя тысячу лет скелет будет выглядеть свежим.

Ну а если отдать ему душу... Мы не знаем, чем заплатил ему Вождь, как договорился, вызвал ли каким–то образом древних могучих волшебников или разработал все это в секретной подземной лаборатории. Мы не знаем, пожертвовал ли он только собой или заплатил еще кем–то — живым, мертвым или еще нерожденным. Мы не знаем, чем закончилось там, наверху — то ли враги уже уничтожили все живое, то ли все живое подняло руки, обвешалось белыми флагами и теперь радостно лижет задницы оккупантам... В любом случае, те, кто остался — песок. Мы не захотели быть песком.

Это хуже, чем смерть. Это хуже безумия. Песок — садист, он не отпускает разум, и мы, прижатые трехметровым слоем его, находимся в полном рассудке. Правда, назвать рассудок твердым уже нельзя. Только одна цель, одна мечта, одна мысль бродит по кругу.

Песок давит. Давит сам по себе, давит, если кто–то топает над головой, давит, если по укрытию проезжает вражеский танк. Но тем, кто остался в танках, под слоем брони, брезента и консерванта — им тяжелей. Если пройдет больше времени, чем планировали стратеги, и пустыня покроется камнем, бетоном или асфальтом — мы выберемся, а они нет. Пули не берут мертвых. Мы справимся и без танков, и без патронов, штыком и прикладом — а вот их могут и не найти. Все планы и схемы захоронений уничтожены, и если через год, два, три после сигнала и после неудачной попытки выбраться их не найдут... нет, все–таки им тяжелей.

Враг, практически не найдя в стране танков, будет удивлен. Не обнаружив обещанных Вождем федайринов, будет настороже. Не поймав Вождя — будет раздражен и еще более опасен. Но пройдет год, два, десять, пятьдесят, сто, триста — и он уймется, расслабится, разнежится и ослабеет. Те, наверху — помогут ему в этом.

И тогда мы вернемся.

Возможно, наши автоматы и танки будут выглядеть смешно и наивно на фоне тогдашнего оружия — но кости не умеют смеяться. Кости не видны в тепловизоре. Кости не боятся пуль и огня. Кости не знают жалости и не подвержены трусости. Им не нужны еда и медикаменты. Им не нужны даже вода и воздух. Поэтому мы победим.

А пока...

Пока я тихо ненавижу песок...

Радий РАДУТНЫЙ

ПРЕМИИ СТАРДЖОНА И КЭМПБЕЛЛА ПРИСУДИЛИ ШЕПАРДУ И КРЕСС

11 июля в Лоуренсе (штат Канзас) были вручены премии имени Джона У. Кэмпбелла (присуждается за лучший англоязычный фантастический роман) и Теодора Старджона (присуждается за лучшую повесть или рассказ). Церемония награждения по традиции прошла в Центре по изучению научной фантастики, который по инициативе писателя Джеймса Ганна был основан при Университете Канзаса.

В нынешнем году Кэмбелловская премия досталась Нэнси Кресс за роман «Probability Space» («Пространство возможностей»). Кроме нее, на награду реально претендовали Дэвид Брин (с романом «Kiln People» — «Печные люди») и Роберт Сойер (с романом «Hominids» — «Гоминиды»). Премия Теодора Старджона досталась Люциусу Шепарду («Over Yonder»), опередившему Ричарда Чевдика («Bronte's Egg» — «Яйцо бронтозавра») и Грега Игана («Singleton» — «Одна штука»).

В рамках той же церемонии были объявлены новые персонажи Зала славы научной фантастики и фэнтези, созданного при вышеупомянутом Центре. Ими стали Эдгар Райс Берроуз и Дэймон Найт (посмертно), а также ныне здравствующие Кейт Вильхельм (вдова Найта) и Уилсон Такер.

Из журнала «Звездная дорога» (Москва)

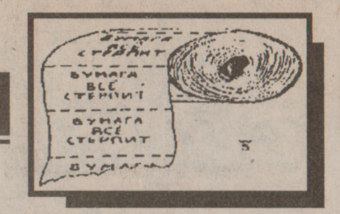
«ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР» В ИСКУССТВЕННОМ МИРЕ МИКРОСХЕМ

Сотрудник Сассекского университета Мигель Гарви запустил довольно своеобразный проект по разработке новых моделей микросхем. Создана открытая сеть распределенных вычислений, в рамках которой микросхемы в буквальном смысле «эволюционируют».

Все начинается с генерации набора простых виртуальных микросхем, которые имеют незначительные и разнообразные отличия. Симулятор соответствующего оборудования тестирует каждый из этих чипов, выделяя наиболее удачные. Избранные модели комбинируются и «подселяются» в «колонию» следующего поколения микросхем, уже более сложных.

Процесс «естественного» отбора повторяется — и так до тех пор, пока не получается микросхема, обладающая всеми нужными качествами.

За пять дней существования проекта удалось разработать микросхемы, которые превосходят выпускаемые ныне чипы по производительности в два раза, а по размерам только в полтора.

Межзвездные джинсы

Александр ЗОРИЧ «Завтра война»

Писатель А.Зорич когда-то полемизировал со своим коллегой Антом Скаландисом, отвечая на статью последнего, суть которой сводилась к утверждению, что на рубеже тысячелетий НТР закончилась, а вместе с ней прекратила свое существование и НФ. Роман «Завтра война» можно рассматривать, как опровержение тезиса о смерти НФ художественными средствами. В книге полным-полно науки, высоких технологий, подробных описаний сложных агрегатов, детальных разъяснений социально-политического устройства государств, скрупулезных отчетов о военных операциях. В наше тяжелое фэнтезийное время не часто попадаются романы, в которых активно действуют генеральные конструкторы и профессиональные астробиологи.

Главный герой книги — кадет Военно-Космической Академии Саша Пушкин. Он тоже научно продвинут, поскольку по роду службы использует новейшие военно-технические достижения Объединенных Наций (ОН) — пилотирует истребители.

Сюжет: в военном конфликте с инопланетными захватчиками джипсами космическая держава Конкордия, дружественная ОН, терпит локальное поражение. Клон, как зовут Конкордию земляне, — это нечто среднее между СССР тридцатых-пятидесятых, Ираном, Индией и Северной Кореей под зороастрийским соусом. Вовсю используется клонирование людей с последующим лишением их репродуктивного права, действует кастовая система со всеми ее прелестями. Тут вам и бедность, и дефицит, и промывание мозгов, и дозирование информации etc. Культивируется гипертрофированная любовь граждан к Родине.

Нравы в ОН значительно демократичнее, но поскольку главный герой романа А.Пушкин — человек военный, то ведет он себя очень дисциплинированно.

Конкордийский Великий Диван обращается за помощью к Совету Директоров (!) земных ОН. Начинается война: сначала с общим противником, потом — друг с другом. В водоворот событий так или иначе вовлекаются все персонажи книги. Параллельно рассказывается занимательная история приключений главного конструктора, угнавшего спроектированный им же суперистребитель на периферийную планетку.

Несмотря на энергию, темперамент и светлые взаимные чувства герои романа совершенно не занимаются сексом. Вспоминается девственно-милитаристский роман Н.Перумова «Череп на рукаве», написанный в том же ключе (герой-рекрут упорно сохраняет невинность на протяжении всего повествования). Видимо, А.Зорич решил изящно удивить читателей, уже знакомых с его предыдущим творчеством (они знают, что эротическими сценами писатель отнюдь не пренебрегает). Еще одно объяснение строгости исполнения: любовь к Родине не терпит девиаций...

Название расы оседлывающих астероиды агрессивных космических кочевников, обозначенных автором как «джипсы», меня несколько смутило. В издательской аннотации к роману допущена забавная ошибка: «джинсы». Есть здесь какая-то сермяжно-джинсовая правда... Может, для оригинальности так и надо было обозвать пришельцев? Дело в том, что очень похоже («джипси») именовались межзвездные цыгане — «звездокрады» у Ю.Буркина в романе «Звездный табор, серебряный клинок». Только те джипси были бесшабашными гуманоидами, совсем не такими коварными, как непонятно-зловещие джипсы А.Зорича.

Упомяну для комплекта космическую оперу А.Лазарчука — И.Андронати «За право летать». У этой книги много общего с романом «Завтра война»: земляне в ней аналогичным образом бьются с космическими захватчиками, на ее страницах полно техники и инопланетян. Звездные цыгане в романе «За право летать» тоже присутствуют. Сговорились авторы, что ли?

У книги «Завтра война» абсолютно открытый финал: она откровенно (как читатель я бы даже сказал — цинично) оборвана на полуслове. А научная фантастика А.Зорича, которая явно не собирается умирать, — это ведь не только добротный технический антураж, но еще и захватывающий авантюрный сюжет. Что далее произойдет с героями? Уцелеют ли? Как выпутаются из сложнейших ситуаций? Кто на ком женится? Писатель известен своей любовью к циклам из нескольких книг, продолжение непременно должно воспоследовать. Будем ждать...

Владимир ЛАРИОНОВ

Летний смотр фантастического войска

«Фантастика 2003. Выпуск 1»

Итак, «АСТ» порадовал нас очередным выпуском альманаха «Фантастика». Правда, первые три повести сборника заставляют насторожиться — а ничего ли не напутали составители? В аннотации заявлено «два десятка повестей и рассказов, в которых представлены все направления жанра». Повести же В.Каплана «И взошли сорняки», В.Гусева «Записки сервера» и М.Вайнштейна «Астральный синдром» разнообразием направлений не балуют. Антураж, конечно, фантастический, но сюжеты откровенно детективные. М.Вайштейн хоть по-честному об этом предупреждает, но впечатление все равно складывается не лучшее. Причем следующий далее параноический боевик И.Борисенко «Псы войны» оптимизма не добавляет...

Впрочем, обещанное разнообразие царит в рассказах. Отчасти это объясняется составом авторов: в сборнике присутствуют произведения и патриархов, и новичков, и популярных авторов, чьи имена, наверное, и заставляют читателя покупать новые выпуски альманаха. Среди них хотелось бы особо отметить рассказ Олега Дивова «Вредная профессия».

Писатель, очевидно, решил опровергнуть сложившийся стереотип: дескать, Дивов пишет только об очень умных, сильных, одиноких рефлексирующих мужчинах, занятых жестоким, но очень нужным людям делом. В новом рассказе ум и сила разнесены, так сказать, по разным телам, а дело, в котором проявляют себя дивовские герои, пожалуй, даже более экзотично, чем борьба с энергетической нечистью, выбраковка и звездные войны. Хотя «Саботажником» от «Вредной профессии» ощутимо попахивает.

Также в сборнике, как обычно, присутствуют критические и литературоведческие материалы, в частности, статья А.Шмалько «Памятник, или Три элегии о Борисе Штерне».

Марина ЛЕС

Апология безысходности

Томас Диш «Концлагерь. 334»

Если крупнейшее российское издательство выпускает переводы романов, написанных 30–35 лет назад, сомнений у читателя возникнуть не должно — наверняка какая-нибудь классика. Уж во всяком случае, классика фантастики, хоть выпущена не в одной из соответствующих серий, а в «Новой волне». Переворачиваем книжку — так и есть, автора рекомендуют как «знакового, классического — и классически скандального».

Как и положено такой серьезной литературе, сборник дишевских романов и рассказов снабжен предисловием (Сэмюэль Дилэни), послесловием (Александр Гузман) и обширными комментариями. Из процитированного в послесловии интервью узнаем, что любимым писателем, повлиявшим на его творчество, Диш считает Льва Толстого. Очевидно, и другие русские писатели оставили след в душе американца: так, одна из пяти частей рассказа «Квинтет» («Хризантемы») отчетливо ассоциируется с «Лиомпой» Ю.Олеши. Впрочем, в том же рассказе встречаем отсылки и к библейским преданиям, и к греческим мифам, и к кельтским сказкам. Что уж говорить о романах — они набиты аллюзиями и отсылками к классике под самую завязку!

Однако интеллектуальная насыщенность — лишь один из компонентов дишевского своеобразия. Второй компонент — глубокий символизм, о котором подробно и со вкусом рассуждает Дилэни. А третий — безысходность, которой все произведения Диша приправлены столь щедро, что гнетущее впечатление не скрашивается даже попытками сделать концовку — скажем, в «Концлагере» — относительно счастливой. Мир Диша — мрачный театр абсурда, где гений и смертельная болезнь — две вещи неразделные, а здоровая заурядность порождает порывы исключительно деструктивные. Однако мир этот влечет к себе и даже, я бы сказал, затягивает, как черный омут. Поэтому желаю вам окунуться в него — но не утонуть.

Роман КАРАКОЗ

№10(121)
2003 год

Конец света как зеркало русской революции

(после просмотра «Терминатора–3»)

«Терминатору» повезло — по крайней мере, в нашей стране. Вспомните далекий 1984-й. Только-только стали появляться видики. Только-только стали проникать кассеты. Взглянули одним глазком на «Смоковницу», попугались «Нечто», и тут такое... Тогда, конечно же, это смотрелось как очередной триллер, хоть и жутко навороченный. Но не так сейчас.

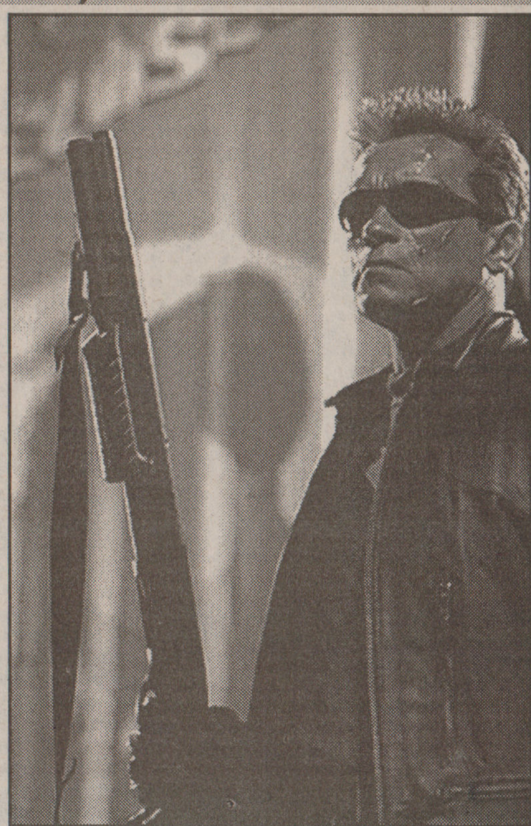
Попробуем разобраться.

Итак, одна тысяча девятьсот восемьдесят четвертый. Перестройка маячит на горизонте. Но в воздухе уже запахло... Вы помните, что искусство — лишь зеркало происходящего в мире? И — первый «Терминатор». Неодолимая сила, несокрушаемая, восстающая снова и снова, иррациональная по своей сути, пришедшая из будущего (светлое, которое мы строили всей страной). Но Люди все-таки могут с ней совладать, пусть жертвуя собой, пусть страдая, но — могут. То есть всякая сила найдет противосилие. «Почти никому» не известный Шварценеггер (ну там «Мистер Олимпия», ну там «Конан-Варвар»...) воплощает ни много ни мало (при нынешнем взгляде) Империю Зла, с которой нормальные, демократично воспитанные люди справляются именно потому, что они — люди. Конец света отменяется.

Тысяча девятьсот девяносто первый. «Терминатор-два». Империи Зла уже как-то не наблюдается. Третья мировая (холодная) закончилась поражением СССР. Но все-таки что-то не в порядке в мире. Выяснилось (о чем неоднократно предупреждали те же Стругацкие, к примеру), что зло таится не в Системе, а внутри каждого человека. Отменитель (то есть Терминатор) перелицовывается и сражается уже не с людьми, а с их кошмарами, вынесенными наружу, — типичный психоаналитический ход. Зло по-прежнему неодолимо, но то же будущее и помогает от него избавиться. И опять путем самопожертвования. Тем более что все уже прекрасно знают, и кто такой Шварценеггер, и кто такой Камерон (он пока еще не снял «Титаник», хи!). Итак, будущее победимо! Пусть и с помощью того же будущего! Мы его породили, мы его и убьем! Конец света отменяется.

Две тысячи ноль третий. «Терминатор-три».

Вроде бы и запуск «Скайнета» мы прозевали (в 97-м, по-моему), кажется, ничто нам не грозит, но будущее снова запускает свои щупальца в настоящее. То ли в виде самолетов, сокрушающих башни-близнецы, то ли в виде очередных Югославии, Афганистана, Ирака, Палестины... кто там следующий? И снова — терминатор. Снова наивный всесокрушающий робот, призванный защитить нас от еще более сокрушающего, но циничного. От будущего.

И не случайно в этот раз убийца является в облике женщины. Про терминатора-мужчину трудно было бы сказать «стерва». А будущее — стерва. Оно подло, коварно, подкрадывается исподтишка. Мы знаем о нем, вроде бы предупреждены, но оно опять и опять домогается нас своими смертоносными чудесами.

И что? Каков выход?

А никаков! Расслабься и дождись. Все твои телодвижения, рыпания, потуги — все это напрасно. Что предназначено, то и сбудется. Пусть не совсем так и не совсем тогда, но от судьбы не уйдешь. Конец света возобновляется.

Такие вот переломы в общественном сознании начала XXI века. Так вот повлияло на них (или на нас?) все, происшедшее в последнее время. Неужели катимся в пропасть, причем зная это и ничего не предпринимая? Гаплык?

Хочется верить, что очередной «Терминатор» — это своего рода предупреждение. Не расслабляться!

Но почему-то не верится. У западной цивилизации опустились руки. Пора вливать свежую кровь. Нашу?

Игорь ФЕДОРОВ,
г. Винница

КИНОЗВЕЗДНЫЕ НОВОСТИ

Американский актер Ник Стал, у которого после выхода фильма «Терминатор-3: Восстание машин» есть все шансы стать одним из голливудских небожителей, ответил на главный вопрос постпремьерного периода: стоит ли ожидать продолжение истории Джона Коннора и киборга Т-850. Стал заявил журналистам, что он подписал контракт на участие еще как минимум в двух фильмах на эту же тему. Что касается содержания последующих серий, то актер не смог его прокомментировать, так как, по его признанию, сценарии готовятся в строжайшей тайне и будут ему предоставлены не раньше, чем за пару месяцев до начала съемок.

***

Создатель «Терминатора» и «Чужих» режиссер Джеймс Кэмерон намерен приступить к работе над проектом «Чужой-5». Режиссер недоволен тем, «что сделали с героями саги в третьей и четвертой части фильма».

«Я не понимаю создателей «Чужого-3», — сказал Кэмерон. — Как они могли взять и просто убить всех персонажей предыдущего фильма? Это неправильно. Но, к счастью, у меня теперь есть возможность исправить все это. Мы собираемся сделать еще один фильм. Что-то в духе «Чужих», но в более зловещем виде. Конечно, мы не сможем обойтись без Сигурни Уивер. И, знаете, я обсуждал с Арнольдом Шварценеггером возможность его участия в фильме».

***

Знаменитый ирландский актер Пирс Броснан получил орден Британской Империи. Королева Великобритании Елизавета II наградила исполнителя роли Джеймса Бонда «в знак признания его выдающегося вклада в театральную деятельность и британскую киноиндустрию». Комментируя вручение ордена Броснану, глава британского внешнеполитического ведомства Джек Стро сказал, что в «роли агента 007 в последних четырех фильмах о Бонде он привнес стиль и романтический ореол в образ Британии за рубежом». Но, кроме того, отметил Стро, Броснан также «усиленно работал в области поддержки благотворительных проектов». По мнению министра, «эта награда отмечает действительно замечательные достижения». Награда была вручена актеру 19 июля в Дублине послом Великобритании.

За новостями следил
А. ПРИВАЛОВ

Веселится и ликует весь народ!

Некоторые читатели и друзья «Просто фантастики» — в частности, известный симферопольский писатель Леонид Панасенко — пеняли нам, что, освещая интересные, печальные и торжественные события, мы не уделяем внимания событиям самым радостным — дням рождения. Это не совсем справедливо — время от времени мы помещаем материалы о писателях–юбилярах, правда, не всегда акцентируя внимание на «праздничной» подоплеке публикации.

Но с этого номера мы решили завести новую рубрику, в которой будем поздравлять именинников прошедшего сезона.

Итак, открываем *День летнего именинника.*

В этом году в июне было два юбиляра, отметивших свое 55–летие, причем в один день! 21 июня 1948 года родились известнейший русский фантаст Василий Головачев (интервью с ним вы могли прочитать в №7(118) за этот год) и — известнейший же — фантаст польский Анджей Сапковский (рассказ о его встрече с питерскими писателями мы печатали в №8(119).

В июне также родились русские писатели Михаил Грешнов (5.06.1916) — кстати, сборник его рассказов «Останній неандерталець» на украинском был опубликован раньше, чем на русском, — и Юлия Латынина (16.06.1966), англичане Генри Райдер Хаггард (1856–1925) и Колин Уилсон (26.06.1931), американец Ричард Бах (23.06.1936).

Июль оказался богатым на фантастические юбилеи. 3 июля исполнилось 120 лет со дня рождения Франца Кафки. 6 июля 1948 года родился Рей Олридж, американский гончар и писатель, автор цикла «Освободитель» («Просто фантастика» писала о нем в №4(115) за этот год). 10 июля родился Джон Уиндэм Паркс Лукас Бейнон Харрис (1903–1969), больше известный читателям как Джон Уиндэм, автор мрачных романов–предупреждений «День триффидов», «Кракен просыпается», «Кукушки Мидвича». 16 июля — день рождения американского мастера коротких фантастических рассказов (известного, впрочем, и своими романами — например, «Цивилизация статуса» и «Обмен разумами») Роберта Шекли (род. в 1928 г.).

Кроме того, 2 июля исполнилось 126 лет со дня рождения Германа Гессе. 7 июля родился первый Грандмастер фантастики Роберт Хайнлайн (1907–1988), 22–го — питерский писатель Павел Шумилов (г.р.1957).

Из юбиляров августа назовем французского писателя Робера Мерля (29.08.1908) и американскую актрису Джиллиан Андерсон (9.08.68), сыгравшую агента Скалли в «Х–файлах».

В августе же родились Владимир «Воха» Васильев (8.08.1967) — его роман «Лик Черной Пальмиры», действие которого частично происходит в Киеве, недавно вышел из печати; Андрей Чертков (16.08.1961), известный, в частности, тем, что стал автором идеи и составителем трехтомного сборника «Миры братьев Стругацких. Время учеников»; Василий Аксенов (20.08.1932), нарисовавший такие яркие перспективы для Крыма, будь он островом, и жестоко разрушивший островную сказку; Орсон Скотт Кард (24.08.1951) — о нем наша газета писала в №11(110) за прошлый год; Джон Вэнс (28.08.1916) и Владимир Орлов (31.08.1936).

Летом отметили свои дни рождения и некоторые авторы «Просто фантастики»: Мария Великанова (25.07), Максим Дубровин (29.07); а трое — даже юбилеи: Владу Силину 15 июня исполнилось тридцать лет, а Гуфельду Зэеву (1.08) и Виталию Романову (24.08) — по тридцать пять.

От души поздравляем всех именинников и желаем творческих успехов!

В августе произошло и еще одно радостное для украинской фантастики событие — вышел в свет первый номер журнала «Реальность фантастики».

Если мы кого забыли — не ругайтесь и не обижайтесь, а лучше напишите нам об этом. День рождения, конечно, раз в году — но зато каждый год!

Редактор «ПФ»
Ольга ОПАНАСЕНКО

P.S. *Кстати, в следующем месяце отмечает свой первый день рождения «Просто фантастика». Не забудьте нас поздравить!*

Не забудьте оформить подписку на “Интересную газету”!

“ИНТЕРЕСНАЯ ГАЗЕТА” – ЦЕ:

A — «Магия, мистика»	F — «Для женщин»
Aa — «Магия для семьи»	Ff — «Хозяюшка»
A+ — «Оракул»	G — «Загадки цивилизации»
B — «Экзоэротика»	J — «Тайны истории»
Bв — «Моя экзоистория»	K — «Криминоген»
D — «Невероятное»	L — «Лабиринты любви»
Dd — «Мир непознанного»	R — «Для мужчин»
D+ — «Антимиры»	S — «Special»
E — «Исцеление»	X — «Икс-блок»
Ee — «Помоги себе сам»	Z — «Просто фантастика»

За повідомленнями кореспондентів “ИГ” і матеріалами вітчизняної та зарубіжної преси, мережі Інтернет

Наступний номер вийде у світ 8.10.2003 р.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 0

Z ИНТЕРЕСНАЯ ГАЗЕТА ПРОСТО ФАНТАСТИКА

Видається з 1993 року
Реєстраційний номер
КВ № 6960 від 11 лютого 2003 р.

№10(121), 2003 р.

ЗАСНОВНИКИ, ШЕФ-РЕДАКТОРИ:
Анатолій КАЦАЙ, Олександр КОРОЛЬОВ

ЗАСТУПНИКИ ГОЛОВНОГО РЕДАКТОРА:
Олексій СОКУР, Надія ЮРЧЕНКО

РЕДАКЦІЙНО-ВИДАВНИЧА РАДА:
Сергій МОГИЛЬНИЙ, директор
Ольга ОПАНАСЕНКО, член ради
Степан ІВАНУС, відповідальний секретар
Віталій БОБЕР, заступник директора по збуту
Ірина БОРЗОВА, головний бухгалтер
Олександр ШЛАПАЧЕНКО, начальник відділу збуту та розповсюдження

ВИДАВЕЦЬ:
Редакційно-видавнича фірма

Адреса редакції:
03047, Київ-47,
просп. Перемоги, 50, к.463, «Z»
Тел.: (044) 454-82-59, 454-88-02
Факс: (044) 456-91-26
E-mail: postmail@avkpress.kiev.ua

ВІДДІЛ РОЗПОВСЮДЖЕННЯ
(044) 454-82-57

РЕКЛАМНИЙ ВІДДІЛ
(044) 454-83-69

Комп'ютерний дизайн та верстка
Олексій СОКУР
Коректор
Наргіс БАГДАСАР'ЯН

● Друкується мовою оригіналу
● За зміст і достовірність публікацій відповідальність несе автор (рекламодавець)
● Листування з читачами — тільки на сторінках газети
● Рукописи не рецензуються і не повертаються
● При передруку посилання на “ИГ” обов'язкове

Віддруковано на комбінаті друку видавництва «Преса України». 03047, Київ-47, пр.Перемоги,50
Загальний наклад “ИГ” 550542
Зам. № 3213169 від 04.09.2003 р.

